

Г И Й О М
М Ю С С О

я возвращаюсь
за тобой

Чтобы быть счастливым, надо вернуть
любовь и – вернуться к себе.

Поединок с судьбой

Гийом Мюссо

Я возвращаюсь за тобой

«ЭКСМО»

2008

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

Мюссо Г.

Я возвращаюсь за тобой / Г. Мюссо — «Эксмо»,
2008 — (Поединок с судьбой)

ISBN 978-5-699-83108-1

Итан родился в маргинальном квартале Бостона, и ему была уготована такая же участь, как многим его сверстникам: тяжелая работа, унылая, скучная жизнь. Но он сумел переиграть судьбу: получил образование, стал известным психоаналитиком. Теперь он богат и знаменит, но, увы, по-прежнему несчастлив. Ведь чтобы достичь жизненных вершин, ему пришлось совершить предательство. И словно в отместку за это судьба лишает его единственной любви: Селин, девушка, которая ему бесконечно дорога, выходит замуж за другого. Итан понимает: пришло время расплаты за ошибки. Но неужели у него не будет шанса их исправить?

УДК 821.133.1-31

ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-83108-1

© Мюссо Г., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Пролог	6
Пролог № 2	9
Часть первая	11
1	11
2	16
3	23
4	27
5	30
6	33
7	40
8	44
9	47
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Гийом Мюссо

Я возвращаюсь за тобой

Guillaume Musso

Je reviens te chercher

Copyright © XO Editions, 2008. All rights reserved

© Нечаев С., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

*Я вырос среди книг, создавая себе невидимых друзей на страницах,
покрытых пылью, запах которых я все еще сохраняю у себя на руках.
Карлос Руис Сафон. «Тень ветра»*

Пролог

*Никто вам ничего не даст. Нужно брать.
Из фильма Мартина Скорсезе «Отступники»*

*Часто встречаются свою судьбу на пути, который выбирают,
чтобы ее избежать.
Лафонтен*

Представьте себе...

Нью-Йорк.

Волнение на Таймс-сквер.

Крики, смех и музыка.

Запахи попкорна, хот-догов, дыма.

Неоновые огни, гигантские экраны, световые вывески на фасадах небоскребов.

Пробки, такси, полицейские сирены и клаксоны.

И наконец, толпа, которая грозит раздавить и опрокинуть. Постоянный поток туристов, лоточников и карманников.

Вы песчинка в этой толпе.

Вам двадцать три года.

По тротуару, в двух метрах перед вами, бредут ваша невеста и ваш лучший друг. Ее зовут Мариса. Вы вместе с первого года лица, и ваша свадьба запланирована на конец этого месяца. С Джимми вы знакомы и того больше – вы выросли вместе в одном рабочем районе на юге Бостона.

Сегодня вечером – ваш день рождения. Чтобы доставить вам удовольствие, они организовали это маленькое путешествие на Манхэттен, и вы совершили переезд из Бостона на старом потрепанном «Му станге».

Вам всего лишь двадцать три, но существование уже кажется вам отформатированным и безнадежным.

Надо сказать, что при вашем рождении феи явно не толпились у вашей кровати. Ваши родители очень много работали всю свою жизнь, но этого было недостаточно, чтобы платить за ваше образование, и в последние годы обучения вы уже работали на стройке вместе с Джимми. И вашей повседневной жизнью были мешки с цементом, строительные леса, пот и окрики мастера.

Ваш отдых? Несколько кружек пива после работы, поездка с Марисой в супермаркет, партия в боулинг два раза в неделю с друзьями.

Немного кружится голова, и вы позволяете толпе нести себя, задравши голову вверх, загипнотизированный игрой света. На ярких экранах мелькают рекламы автомобилей, за руль которых вы никогда не сядете, дорогих часов, которые стоят в десять раз больше вашей зарплаты, и одежды для женщин, которые никогда не попадутся на вашем пути.

Ваше будущее? Это брак без страсти, двое или трое детей, пахота до полусмерти, чтобы погасить кредит по ипотеке, и все ради того, чтобы купить дом, который вам не нравится.

И вы будете продолжать играть в боулинг, пить пиво и переделывать мир вместе с Джимми, на самом деле не особо в этом участвуя.

Вам только двадцать три, а вы уже застряли в жизни, которая вам не подходит. Вы уже давно чувствуете, что отличаетесь от мира, который вас окружает. Не то чтобы вы презирали свою семью или друзей. Нет, тут дело в другом: *унижение бедностью* – вот что вы чувствуете как постоянное оскорбление. Но это не влияет ни на Марису, ни на Джимми, который любит повторять: «Может, мы и бедные, зато, по крайней мере, мы счастливы».

Но так ли это?

Как можно быть уверенным в том, что жизнь не имеет другого вкуса по другую сторону барьера?

Вы продолжаете двигаться по незнакомой улице среди огромной толпы. Джимми и Мариса постоянно оборачиваются, чтобы кивнуть вам, но вы умышленно держитесь слегка позади.

В последние месяцы вы чуть ли не тайком начали покупать книги. Вы горите желанием получить образование и строить свою жизнь на иных основаниях. На вашем плеере Моцарт и Бах заменили рэп и соул. А на работе, несмотря на насмешки, вы теперь все время используете обеденный перерыв, чтобы просмотреть статьи в «Нью-Йорк таймс».

День начинает сходить на нет. Вы продолжаете наблюдать за зрелищем улицы. Молодая пара выходит, смеясь, из роскошного отеля и садится в блестящий кабриолет. Как в модном каталоге, у них белоснежные зубы, они беспечны и элегантны в стиле Новой Англии.

Это то, чего у вас никогда не будет.

В стране, где принято говорить, что успех зависит от тебя самого, у вас складывается впечатление, что вы находитесь не на своем месте. Часто в ночной тишине у вас в голове вертится эта мысль – начать все с нуля, бросить все, возобновить обучение, чтобы урвать свою долю американской мечты.

Но для этого придется порвать с вашим кругом, с вашей семьей, с вашими подругами, с вашими друзьями, и вы очень хорошо знаете, что это невозможно.

В самом деле?

Стоящий на углу 50-й улицы старый продавец хот-догов включает радиоприемник, настроенный на частоту рок-музыки. Песня *It's Now or Never* Элвиса Пресли громко льется на тротуар.

Сейчас или никогда.

Вы проходите мимо газетного киоска и бросаете взгляд на выпуск «Нью-Йорк таймс». И что именно в этот момент происходит в вашей голове? Зачем вам это немного сумасшедшее пари?

Однажды моя фотография появится на обложке этого журнала.

Через пятнадцать лет я буду там. Клянусь.

Вы хотя бы думаете о последствиях того, что собираетесь сделать? Вы уже понимаете, что до самой смерти будете каждую ночь вспоминать этот день?

День, когда вы поставили крест на своем существовании.

День, когда вы покинули всех, кто вас любил.

День, когда в надежде выиграть все вы вынуждены были потерять все.

Сейчас или никогда.

Затерявшись в массе туристов, вы пользуетесь остановкой движения, чтобы пересечь огромную улицу.

Ни Мариса, ни Джимми этого не заметили.

Сейчас или никогда.

Через тридцать секунд ваша невеста обернется, но вы уже исчезли.

Навсегда.

Через тридцать секунд вы будете на пороге самого большого и самого странного вызова.

Стать кем-то другим.

Пролог № 2

Конец любви

Я любил тебя, ты была влюблена. Это не одно и то же...
Из фильма Франсуа Трюффо «Женщина рядом»

Десять лет спустя

Небольшое кафе в Вест-Сайде между Бродвеем и Амстердам-авеню.

Уютная тихая и очень теплая обстановка. Удобные темные кожаные кресла, над которыми возвышается длинная барная стойка, сверкающая хромом. Пряный аромат корицы, ванили и меда.

Вы сидите напротив молодой женщины, одетой в униформу стюардессы.

Это Селин Паладино.

Она прямо рукавом утирает слезы, текущие из ее зеленых с золотыми искорками глаз.

Вы знакомы с ней уже больше года. Это – своего рода трансатлантическая любовь, живущая в ритме рейсов Нью-Йорк – Париж, которые случаются раз в две недели.

Селин – это история любви, которой вы не ожидали. Невероятная вспышка молнии, продолжающаяся в состоянии блаженства и погружающая вас в мир, который до сих пор был вам неведом.

По логике, вы должны быть счастливейшим из людей.

Но вы не обычный человек.

И вы уже знаете, что в один прекрасный день вы ее потеряете.

И этот день – сегодня.

Ибо, хотя с каждой минутой вы влюбляетесь все больше и больше, именно это и делает вас еще более уязвимым, а вам этого не нужно. Вы ведь еще находитесь на стадии, когда не знают, что можно поддаваться чувствам, не будучи незащищенным.

И потом вы уверены, что ваши отношения основаны на недоразумении: хоть Селин и любит вас, но лишь потому, что она вас по-настоящему не знает. И однажды она откроет глаза и увидит вашу истинную натуру, а это натура плохого и очень амбициозного парня.

Но не это главное.

Суть в том, что ваш внутренний голос постоянно давит на вас, и хоть вам и нравится Селин, но вы должны уйти, потому что рядом с вами ей грозит опасность.

Откуда это предчувствие? Вы этого не знаете, но оно так сильно, что вы просто вынуждены относиться к нему серьезно.

Вы смотрите на Селин в последний раз. Слезы текут на ее шоколадное пирожное.

А ведь когда она только входила в кафе, где вы обычно встречались, она вся сияла и была так счастлива, сообщая вам о своем перемещении в офис «Эр Франс» на Манхэттене.

– Мы сможем наконец жить вместе, завести ребенка...

И тут вы вдруг резко отдаляетесь от нее. Жить вместе? Вы еще не готовы. Ребенок? Вы выкладываете ей целый список причин, которые этому препятствуют: страсть угасает, ответственность давит, и вам неприятно, когда материнство возводят на высшую ступень ценностей...

Она в шоке. Потом наступает сокрушительное молчание, во время которого она остается неподвижной. Это уже слишком. Вы не можете больше этого терпеть, вы уже готовы встать и взять ее руки в свои, но коварный голос вновь заводит свою песню:

Если ты останешься с ней, Селин умрет.

И вы не смотрите на нее и начинаете наблюдать невидящими глазами за прохожими, бегущими под дождем.

– Все кончено? – спрашивает она, вставая.

А поскольку вы не смеее ей ответить, вы лишь подтверждаете это кивком головы.

* * *

Пятнадцать дней спустя вы вернетесь в это кафе. Один из официантов протянет вам конверт, на котором вы узнаете почерк Селин. Но вы не поддадитесь искушению вскрыть его. Вы просто вернетесь домой, сомневаясь, что когда-нибудь вам удастся преодолеть царящий там беспорядок. Затем вы соберете в коробку все, что от нее осталось из ее немногих вещей, или из того, на чем остались ее следы, – кое-какую одежду, туалетные принадлежности, духи «Кашарель», книжку «Любовь властелина»¹, сборник стихов Арагона, компакт-диск Нины Симоне, репродукцию Модильяни, афишу американского фильма «Сердце зимой», черепаховый гребень, японский заварной чайник, ее последнее письмо, которое вы так и не вскрыли...

Вы выйдете на улицу, проходящую перед вашим небольшим домом в Гринич-Виллидж, сразу же за Нью-Йоркским университетом, и бросите коробку в мусорный бак, стоящий на противоположной стороне улицы, и все это – с совершенно отрешенным видом.

Однако ночью, несмотря на холод, вы вернетесь, чтобы забрать письмо. Вы так никогда и не откроете его, но все же сохраните у себя, как некую иллюзию ее присутствия.

Возможно, это доказательство того, что вы на самом деле не такой уж и плохой парень.

А потом пройдут годы. Один, два... пять.

Вы продвинетесь вверх, как и мечтали: слава, спортивные автомобили, путешествия в первом классе, модели в вашей постели, ваше лицо на экране телевизора...

Со временем вы заставите себя поверить, что Селин забыта.

Но без нее вы всегда будете чувствовать себя одиноким.

¹ «Любовь властелина» (Belle du Seigneur) – книга Альбера Козна, одного из наиболее читаемых писателей Франции. –
Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. перев.

Часть первая

Бежать

1

Этот день...

Наши настоящие враги — это мы сами.
Боссюэ

Манхэттен

Суббота, 31 октября 2007 года

7 ч 59 мин 57 сек

Итан Уитакер спит на своей роскошной яхте, пришвартованной в Гудзоне, и ему остаются три последние секунды сна.

Он сладко спит, плавая в тумане грез, которые ему предстоит покинуть, чтобы пережить кошмарный день.

7 ч 59 мин 58 сек

Еще две секунды.

На этот момент еще не началось это странное путешествие, которое приведет его в самую сердцевину тайн и страданий. Это секретное и одинокое паломничество, которое и перемелет и возродит его, заставив при этом противостоять самым потаенным страхам, самым глубочайшим сожалениям, самым смелым ожиданиям.

Вот вы, например, точно знаете, что у вас внутри?

А если нет, что вы готовы отдать за то, чтобы узнать о себе все?

7 ч 59 мин 59 сек

Последняя секунда перед пробуждением.

Последняя секунда перед Пробуждением.

А если мы все еще гонимся за тем, что у нас уже есть?

* * *

8 ч 00 мин

Резкое пробуждение.

Итан наугад метнулся рукой и несколько секунд пытался на ощупь остановить все нарастающий звук будильника. Как правило, он его стимулировал, но сегодня этот звук привел его в бешенство. И ему потребовалось много времени, чтобы проснуться, его знобило, он задыхался, словно после физической нагрузки. В горле пересохло, как у человека, который не пил несколько дней. Его тошнило, и пульсирующая боль пронизывала его с головы до пят. Он попытался открыть глаза, но от этого пришлось быстро отказаться: веки слиплись, голова, казалось, вот-вот взорвется, и словно какое-то невидимое сверло методично долбило внутреннюю часть его черепа.

Неужели организм заставляет его так жестоко расплачиваться за эксцессы вчерашнего дня?

Он попытался успокоить биение сердца и нечеловеческим усилием все же открыл глаза. Мягкий свет проникал через иллюминаторы внутрь, оставляя на светлой древесине яркие блики. Просторная и комфортабельная каюта занимала всю ширину яхты. Весь ее интерьер, сочетавший дизайн с новейшими технологиями, дышал роскошью – огромная кровать, образец стиля хай-тек, мебель последнего крика моды, избегавшего острых углов.

Свернувшись калачиком, Итан постепенно приходил в себя и вдруг почувствовал чье-то присутствие рядом! Он резко повернулся и заморгал.

Женщина.

Это уже что-то.

Она была закрыта атласной простыней, не оставлявшей взгляду ничего, кроме голого плеча, усеянного веснушками.

Итан наклонился к ней, чтобы получше рассмотреть удлиненное лицо с тонкими чертами, частично скрытое под длинными прядями темно-рыжих волос, волнами раскиданных по подушке.

Я ее знаю?

Мучимый страшной головной болью, он попытался вспомнить, кто такая эта женщина и при каких обстоятельствах она оказалась в его постели, но...

Ничего.

В голове была пустота. Память вела себя как компьютерная программа, которая отказывалась загружать запрашиваемые данные. Испугавшись, Итан удвоил усилия: он помнил, что вечером ушел с работы, потом пошел выпить стаканчик в «Социалист», новый модный бар на Вест-стрит. В атмосфере *Куба Либре*, напоминавшей Гавану 40-х годов, он выпил мохито, потом – второй, потом – третий... А потом... пустота. Ему удалось сосредоточиться, но он с огорчением вынужден был признать, что у него не осталось никаких воспоминаний о предыдущем вечере.

Блин!

Некоторое время он колебался, не разбудить ли спящую красавицу – в надежде, что она освежит его память, но быстро отказался от этой мысли, чтобы избежать разговора, который наверняка не сулил ничего хорошего.

Он тихо сполз с кровати и нерешительно двинулся по узкому коридору, который вел в ванную. Душевая кабина была покрыта ламинатом из экзотических пород дерева и оснащена, как сауна. Он установил ручки в положение «хаммам», и теплый влажный пар мгновенно вторгся в стеклянную клетку.

Он сжал голову ладонями и начал массировать виски.

Не паниковать!

Вся эта история с потерей памяти Лизи выбила его из колеи. Ему претила сама мысль о том, что он потерял контроль над собой. Быть ответственным, контролировать ход своей жизни – вот что он привык повторять в своих книгах, на лекциях и в телевизионных программах.

Не делайте, как я, делайте, что я говорю...

Постепенно паника рассеялась. Учитывая похмелье, не нужно было быть экстрасенсом, чтобы реконструировать сценарий прошлого дня: он потащился по барам, вот и все. Ночью он также выпивал, возможно увенчав вечеринку парой дорожек белого порошка. А эта девушка? Манекен, встреченный где-то, он наверняка флиртовал с ней, когда был еще на ногах.

Он взглянул на часы, понял, что времени уже много, и сменил горячий пар струей холодной воды, надеясь, хоть и не особенно в это веря, что температурный шок поможет ему вернуть воспоминания.

* * *

Вернувшись в каюту, Итан обнаружил, что таинственная незнакомка все еще крепко спит. Он некоторое время постоял неподвижно, очарованный контрастом между белизной ее кожи и отдающим медью цветом волос. Он закончил вытираться и осмотрел женскую одежду, валявшуюся на полу: нижнее белье «Виктория секрет», черное платье с глубоким вырезом от Дольче амр; Габбана, туфли от Джимми Чу, украшенные стразами...

Все исключительно высококлассное.

Но что-то определенно не вязалось: девушка была слишком красива, слишком хороша для того, чтобы не вспомнить, как он к ней подкатывался.

Сев в кресло, Итан нашел ее сумочку с монограммой. И бесстыдно изучил ее содержимое. Никакого удостоверения личности или водительских прав, которые могли бы рассказать о том, кто такая спящая. Лишь солнцезащитные очки, пудреница, две стодолларовые купюры и небольшой сложенный конверт, в котором вполне мог находиться кокаин. Он с беспокойством закрыл сумочку.

А что, если это девушка по вызову?

Итан обязан был рассмотреть и такую возможность. Не то чтобы он сомневался в силе своего обаяния. Он умел быть обходительным с женщинами, но не тогда, когда напивался, не в четыре часа утра и не в том случае, когда от этого не оставалось никаких воспоминаний.

Хотя...

С тех пор как к нему пришла известность, как его начали показывать по телевизору и он зажил на яхте миллионера, ему уже не приходилось особенно бороться за то, чтобы «увлечься». Это была одна из приятных сторон известности, но он позволял себе обманываться, хотя иногда все это заканчивалось довольно печально.

В любом случае, если эта женщина была профессионалкой, он должен был заплатить. Но какова цена этой «услуги»? Тысяча долларов? Пять тысяч? Десять? Он, блин, не имел об этом никакого понятия.

Наконец он выбрал промежуточное решение и сунул в конверт четыре пятисотенные купюры.

Потом положил конверт на видное место на тумбочке. Решение было не слишком удачным, и он готов был это признать, но что поделаешь? Жизнь так устроена. Конечно, ему хотелось добавить что-то еще, например искреннее объяснение, но он посмотрел на часы и использовал это в качестве предлога, чтобы отказаться от этой мысли. У него нет времени. И так строились его отношения с женщинами уже несколько лет – у него никогда не было времени для объяснений. А ведь когда-то было. Но то – совсем другое. И к тому же было давно. Но он стер лицо той женщины из своей памяти. Вот только почему он вновь вспомнил о ней именно сегодня, ведь эта страница была перевернута много лет назад? Он снова посмотрел на часы и вышел на верхнюю палубу, совершенно уверенный, что сумел положить конец этой неприятной истории.

* * *

С кожаным кремовым диваном и панорамными окнами салон находился в полной гармонии с другими помещениями яхты – он был элегантным и залитым светом. Столовая, отделанная натуральным дубом и лакированным стеклом, примыкала к кухне, оснащенной самой функциональной техникой, выполненной в темных тонах.

Итан взял флакон одеколона, стоявший на полке между его снимками с Бараком Обамой и Хиллари Клинтон. И окропил себя мужским лосьоном с легкой ноткой табака и кожи. Он

внимательно следил за своей «мужской» стороной и отвергал современные тенденции, склонявшие некоторых мужчин любой ценой подчеркивать женскую сторону своей личности.

Все это полная фигня.

Сегодня утром ему предстояло принять участие в серьезной программе на Эн-би-си. Требуется что-то идеальное, соответствующее имиджу, который он терпеливо выстраивал, – врач с человеческим лицом, полный сострадания, строгий в своей области, но крутой по внешнему виду, своего рода гибрид Фрейда, матери Терезы и Джорджа Клуни.

Он открыл шкаф и достал любимый наряд – костюм от Прада из шерсти и шелка, который дополнила рубашка «Оксфорд» и ботинки «Сантони».

Никогда не выходить в шмотках, которые стоят меньше 4000 долларов.

Правило для тех, кто хочет быть хорошо одетым.

Стоя перед зеркалом, он застегнул одну пуговицу на пиджаке – совет Тома Форда, чтобы сразу же сбросить десять кило, – и придал себе обманчиво беспечный вид, который он примерил в прошлом году, когда позировал журналу «Вог» для репортажа, посвященного нью-йоркским знаменитостям. Из своей коллекции часов он выбрал модель «Хэмптон» и завершил костюм плащом от Берберри.

В глубине души он знал, что вся эта роскошь не значит ровным счетом ничего и даже немного смешна. Но он находился на Манхэттене! И должен следить за упаковкой, ведь теперь все, в конечном счете, одна только видимость.

На кухне он съел половинку рогалика, а затем вышел на палубу, где сильный ветер, дующий со стороны Нью-Йоркской бухты, тут же растрепал ему волосы. Он достал солнцезащитные очки, а затем помедлил минуту, чтобы насладиться наступающим днем.

Небольшой порт Норт-Коув был местом, о котором многие вообще не знали. Это был очень красивый анклав в самом центре города – в нескольких шагах от Бэттери-парка и Граунд-Зеро². Он был окружен четырьмя башнями из гранита и стекла, а Всемирный финансовый центр стоял там лицом к лицу с элегантной площадью, над которой доминировал впечатляющий купол, укрывавший под собой сад, в котором росли высокие пальмы.

С айподами в ушах, одетые в спортивную форму последнего крика моды, сотни джоггеров совершали тут свои пробежки, а еще можно было увидеть Эллис-Айленд и статую Свободы. Итан закурил сигарету (это был своеобразный вызов), потирая руки, чтобы согреться. Ветер был сильным, но ему нравился этот первый осенний холодок. Подняв глаза к небу, он увидел дикого гуся, одиноко летевшего очень низко над водой. Он истолковал это как знак удачи.

День начался странновато, это правда, но теперь он чувствовал себя свежим и готовым противостоять жизни. Сегодня будет великий день, он это чувствовал.

– Добрый день, мистер Уитакер, – поприветствовал его портовый охранник, когда он появился на небольшой парковке.

Но Итан ему не ответил. Он остолбенел перед своей машиной – «Мазерати»-купе последней модели, черным с серебром гоночным болидом, – и в ярости отмечал степень повреждений: решетка радиатора изогнута, левое крыло помято, одно из колес и дверь серьезно поцарапаны.

Этого не может быть!

Он не мог вспомнить никакой аварии. В последний раз, когда он садился в свою машину, она сверкала тысячами огней и демонстрировала идеальность линий.

Он содрогнулся. Прошлой ночью случилось что-то серьезное. Что-то, о чем в его памяти не осталось ровным счетом никакого следа.

² Граунд-Зеро – участок в Нижнем Манхэттене площадью 65 000 м², на котором до 11 сентября 2001 года располагался комплекс Всемирного торгового центра. Название происходит от английского термина, обозначающего «эпицентр».

Нет, ты, как всегда, напрасно беспокоишься. Ты был пьян и, вероятно, зацепил какое-то ограждение. Только и всего.

В понедельник он отвезет «Мазерати» в ремонт и заберет машину обратно, как новенькую. Это обойдется ему в несколько десятков тысяч долларов, но деньги – не проблема.

Итан отпер дверь и сел за руль, его окружила обстановка, дышащая безопасностью, – ценные породы дерева и итальянская кожа с едва заметной строчкой. Сладкий запах роскоши на миг успокоил его, но это чувство долго не продержалось. Он пожалел, что не разбудил рыжую девушку, спавшую рядом с ним. Если хорошенько подумать, она, пожалуй, была единственным человеком, который мог бы рассказать, что произошло вчера ночью.

Итан колебался, а не вернуться ли обратно к яхте, но передумал. А действительно ли он хотел все знать? Он не был в этом уверен. Все это уже прошлое, а за последние пятнадцать лет он научился не забивать себе голову прошлым.

Он повернул ключ зажигания и собирался уже покинуть паркинг, как вдруг какая-то неопределенная картина всплыла у него перед глазами, а вслед за ней полезли какие-то бредовые мысли. Девушка с медно-каштановыми прядями...

...а вдруг она мертвая?

Нет, это абсурд. С какой стати? Сегодня утром, он помнил это отчетливо, он чувствовал ее дыхание, такое мягкое и теплое. Он был почти в этом уверен.

Почти уверен, но не абсолютно...

Он сжал кулаки и опустил их на руль.

Да это черт знает что такое!

Это проявления его паранойи, которые он себе запретил. Это была его странность, которая возникла у него вместе с успехом и деньгами. Странность, питавшаяся страхом потерять в один миг все.

Кончай портить себе жизнь этими фантазиями!

Этот призыв к порядку сыграл роль электрошока, и Итан почти мгновенно выбросил из головы все эти жуткие мысли и страхи.

На этот раз он выехал с парковки, взяв себя в руки, и дал газу – просто для удовольствия, чтобы почувствовать мощь четырех сотен лошадиных сил восьмицилиндрового двигателя.

Сегодня будет хороший день.

Он в этом уверен.

Великий день.

Сумасшедший день.

2

Торопящийся человек

Я хорошо знаю, отчего мне нужно бежать, но не знаю, к чему стремиться.

Монтень

Манхэттен

Суббота, 31 октября

8 ч 53 мин

«All Along the Watchtower» («Бессменно на сторожевой башне») – песня Боба Дилана из альбома, вышедшего в декабре 1967 года. Ее потом исполняли многие музыканты, одна из самых знаменитых кавер-версий была записана Джими Хендриком в 1968 году. В британских чартах версия Хендрикса дошла до 5-го места, в американских – до 20-го. Сам Дилан высоко отзывался о кавер-версии, созданной Хендриком, и на концертах предпочитал исполнять песню в его обработке.

Гитарные аккорды Джими Хендрикса лились из одиннадцати колонок, установленных в машине. Звук идеального качества нарушал глухой и ровный рокот мотора.

Дав газу, Итан быстро пересек деловой квартал города, такой оживленный в будни и совершенно пустой утром по субботам, а потом свернул к Мидтауну.

Потребовалось всего ничего, чтобы вновь обрести уверенность в себе. Скорость, голубое небо, солнечные лучи, отражающиеся в окнах небоскребов, – все это вместе делало Нью-Йорк прекрасным.

А Итан обожал Нью-Йорк.

Город, где чувствуешь себя как дома, когда некуда идти.

Но сегодня утром что-то было не так. Улицы казались декорациями к фильму, словно это был совсем другой, непривычный Нью-Йорк! Он нахмурился, всматриваясь в пешеходов, машины, здания, но ничего необычного не заметил.

Он нервно покрутил ручку приемника, пытаясь найти местную радиостанцию:

...тысячи водителей такси объявили сегодня утром сорокавосемичасовую забастовку, выступая против муниципального проекта по обязательной установке GPS-навигаторов и терминалов для оплаты банковскими карточками...

Вот чего не хватало на улицах, и вот почему движение было таким свободным: такси! Без своих легендарных желтых авто Манхэттен утратил нечто важное, то, что делало его таким привычным и знакомым.

...по мнению водителей, это попытка вмешаться в частную жизнь, поскольку такие системы, не говоря уже об их стоимости, позволяют властям отслеживать перемещения машин. По данным Ти-си-эл, забастовка, число участников которой достигает почти 100 %, будет проходить очень активно и вызовет значительное волнение в обществе. Уже сейчас у аэропортов Кеннеди и Ньюарк, а также у Пенсильванского вокзала выстроились длинные очереди...

Итан взглянул на часы в машине и поморщился: сегодня он должен быть в эфире знаменитого утреннего шоу «Суббота в Америке». Это была познавательная передача, которую

каждые выходные смотрело более шести миллионов телезрителей. Каждый раз после шоу продажи его книг и DVD просто зашкаливали, а в листе ожидания для участия в его тренингах и конференциях не оставалось места на много недель вперед.

Он стал популярным благодаря прессе года три назад. И хотя его все еще иногда величали Доктором, Итан не был врачом. Когда-то он действительно собирался изучать медицину в Сиэтле, но, проучившись в университете четыре года, понял, что ошибся. Обучение на медицинском факультете оказалось страшно дорогим, к тому же тянулось невероятно долго. Да и медицина его мало интересовала. Его не привлекала перспектива стать обычным терапевтом и посвятить жизнь насморкам и мигреням.

Зато ужасно интересовало все, что так или иначе связано с психологией. Очень скоро он понял, что язык у него отлично подвешен и что он обладает даром воздействия на людей. Почему же не использовать свои таланты и не заняться тем, что увлекает больше всего в жизни, – исследованием глубин человеческой психики? Но поскольку он был очень практичен и стремился преуспеть в жизни, надо было постараться найти популярную нишу на современном рынке. Книжки и журналы пестрели новомодными словечками: развитие личности, уроки счастья, гармония жизни, повышение самооценки, расширение сознания... И он понял, что в этой области ему открываются такие широкие возможности, за которые нужно просто ухватиться обеими руками. Тогда он бросил учебу и открыл небольшую частную практику по психотерапии на границе Монингсайд-Хайтс и Восточного Гарлема.

Несколько лет он помогал небогатым клиентам справляться с депрессией, разными формами зависимости, артритом и болями в спине. А потом понял, что именно это время определило всю его дальнейшую карьеру. Благодаря пациентам из соседних кварталов он окончательно сформировался, совершенствуя знание психологии, подпитываясь книгами и даже участвуя в семинарах по псевдодуховным практикам, тренингах «как жить правильно» и слушая разных гуру, преуспевших в самосовершенствовании. Начав копать в этом направлении, он вскоре выработал собственную методику, в основу которой легли и уже давно опробованные техники, и всякие новшества: позитивное мышление, поведенческая терапия, софрология, ролевые игры, театр, психодрама³, люминотерапия, акупунктура, аффективная коммуникация... Он был одним из первых на Манхэттене, кто предложил методику *walk and talk*⁴, которая состояла в том, что он заставлял пациентов говорить о себе во время прогулок по аллеям Центрального парка. Какая разница, что его лечение не имело под собой никаких обоснований – если сеансы давали результат даже в нескольких случаях, почему бы не продолжать в том же духе?

Четыре года назад его жизнь изменилась благодаря одному необычному происшествию. Вечером, уже собираясь закрывать кабинет, он увидел, что к нему направляется клиентка с мальчиком лет двенадцати. Несмотря на солнечные очки и скрывавший волосы шелковый платок, Итан сразу узнал Лоретту Краун, продюсера и ведущую знаменитого ток-шоу, названного ее именем. Как получилось, что эта афроамериканская телезвезда, одна из самых богатых и влиятельных дам в шоу-бизнесе, стояла перед дверями его скромного кабинета в Гарлеме? Ответ прост: все дело было в ее дом работнице. Несколько месяцев назад Итан так умело и быстро помог ей избавиться от мучительной хронической мигрени (благодаря всего трем сеансам акупунктуры), что она всюду только о нем и говорила. В конце концов история чудесного исцеления стала известна ее хозяйке.

Лоретта пришла из-за сына, страдавшего посттравматическим неврозом с тех пор, как два года назад трагически погиб его отец. Это случилось во время морской прогулки на яхте.

³ Терапия, основанная на импровизированных сценариях, которые разыгрываются группой участников, и позволяющая выявить неврозы. – Прим. авт.

⁴ Прогулки и разговоры.

Уступив просьбам сына дать ему порулить, отец в конце концов на несколько минут передал ему штурвал. Сам он в это время стал убирать паруса. И сильный порыв ветра сбросил его в море, а ребенок, не зная, что нужно сделать, чтобы остановить лодку, прыгнул в холодные волны Атлантики вслед за ним. Час спустя спасателям удалось достать из воды только его одного.

С тех пор мальчик ужасно страдал от чувства вины, его преследовали страхи, ночные кошмары и навязчивые воспоминания, вновь и вновь заставлявшие его переживать трагедию. Когда Итан познакомился с ним, ребенка мучили бессонница и лихорадка, он не мог ни на чем сосредоточиться и уже много месяцев не ходил в школу.

Лоретта Краун обращалась к самым известным психологам Восточного побережья, но ни антидепрессанты, ни бета-адреноблокаторы, ни гипноз не помогали.

Итану же сыграли на руку удача и интуиция. Несколько сеансов по методу ДПДГ⁵ помогли ребенку «оживить» этот болезненный эпизод, давая мозгу возможность реорганизовать воспоминания и «переварить» пережитую трагедию.

После того, как мальчику стало легче и опасность миновала, Лоретта Краун захотела отблагодарить врача. Она уговорила его написать книгу о своем опыте терапевта, а потом стала приглашать на свою передачу. За двадцать лет работы в эфире королева ток-шоу создала из своей программы настоящую общественную организацию. Лоретта руководила передачами на почти ста пятидесяти местных каналах. Иногда ее аудитория насчитывала больше пятнадцати миллионов зрителей, при этом на 80 процентов она состояла из женщин. Как и Ларри Кинг, Лоретта была идиолом поп-культуры и имела огромное влияние на миллионы людей. После того как она расхвалила книгу Итана в эфире, он обнаружил, что продажи выросли в несколько раз. О молодом терапевте сразу же стали выходить статьи в прессе, его стали приглашать на другие радио- и телепрограммы. В конце концов не прошло и полугода, как он стал постоянным гостем телепередач, посвященных психологии.

Итан немедленно воспользовался подаренным шансом и сейчас уже был главой маленькой финансовой империи. Он активно распространял свое «учение» при помощи книг, конференций, дорогостоящих стажировок, интернет-сайтов, DVD, аудиокниг, дзен-календарей и компакт-дисков для релаксации. А недавно несколько университетов даже предложили ему вести «курсы счастья» – предмет, ставший очень модным на многих факультетах после того, как молодой психолог Таль Бен Шакар стал развивать эту тему на своих лекциях в Гарварде.

У зрителей Итан вызывал доверие. Он был умен и уверен в себе, но не высокомерен. Никогда не пытался выставить себя духовным гуру, что делало его слова еще убедительнее. Говорил он гладко и убеждал здравомыслием, прекрасно понимая современных зрителей, всегда исполненных сомнений. Он предлагал решать проблемы, обходясь без психоанализа и антидепрессантов, хотя сам не мог прожить без прозака⁶. Он проповедовал простую жизнь без привязанности к материальным благам (а сам жил роскошно и суетно), превозносил семейные ценности, дружбу, общественную деятельность (а сам жил в полном одиночестве)...

Делайте то, что я говорю...

⁵ Десенсибилизация и Переработка Движениями Глаз (Eye Movement Desensitization and Reprocessing, EMDR) – психотерапевтический метод, использующийся для лечения посттравматического синдрома. Основан на ритмичном движении глаз, напоминающем то, что происходит во время сна. Это позволяет мозгу быстро «переработать» шок, вызванный произошедшей травмой. – Прим. авт.

⁶ Препарат из разряда антидепрессантов, улучшающий настроение, снижающий напряженность, тревожность и чувство страха.

* * *

Перед тем как свернуть на Бродвей, Итан снизил скорость. Хотя время поджимало, ему хотелось проехать по Тайм-сквер – последняя дань прошлому. Это продолжалось пятнадцать лет, пятнадцать лет изо дня в день, с того осеннего вечера, когда он оставил прежнюю жизнь, надеясь стать кем-то совершенно другим.

Он остановился около гостиницы «Мариотт», отдал ключи от машины, чтобы ее поставили на стоянку, но вместо того, чтобы войти в отель, перешел на другую сторону улицы.

Тайм-сквер была почти совсем пуста. Посреди улицы скакала группа подвыпивших японцев, которые фотографировали друг друга, пародируя любимый телесериал и выкрикивая: «ЯТТА»⁷.

Итан закурил. Газетный автомат так и стоял на прежнем месте, как ему и помнилось. Он сунул монетку и взял сегодняшнюю «Нью-Йорк таймс». Газету он купил ради приложения «Искусство и культура», где на первой полосе красовалась его фотография и подпись к ней:

ПСИХОАНАЛИТИК, КОТОРЫЙ СОБЛАЗНЯЕТ АМЕРИКУ

Вначале планировалось, что приложение выйдет на следующей неделе, но благодаря своим связям Итан смог ускорить публикацию, чтобы отметить странную дату, о которой знал он один. Он быстро проглядел статью – она была довольно комплиментарная и выглядела как посвящение. Он ударил кулаком по железной дверце уличного телефона-автомата. Вуаля, удалось! Он сдержал обещание: передовица в «Нью-Йорк таймс» ровно через пятнадцать лет! Он выбрался из грязи в князи, а тут принято говорить: *Если ты чего-то добился в Нью-Йорке, то уже нигде не пропадешь...*

На другой стороне двое рабочих меняли стекло в витрине «Верджин Мегастор». Поглядев на них, Итан вспомнил, как пятнадцать лет назад работал на стройке с Джимми. Возможно, он впервые по-настоящему задумался о пройденном пути. Эту же самую улицу он пересек пятнадцать лет назад. Пятнадцать метров, чтобы оказаться на другой стороне, пятнадцать лет, чтобы добиться славы. На него нахлынули воспоминания, но он отогнал их прочь.

Конечно, чтобы достичь этого, многим пришлось пожертвовать, остаться в полном одиночестве, но игра стоила свеч.

Наблюдая за толпой,двигающейся в южном направлении, он почувствовал легкую грусть. Немного странно, что рядом нет никого, с кем можно было бы разделить радость успеха, разве нет?

На миг перед глазами мелькнула картина – зеленые глаза Селин, смотрящей на него. Она опустила ресницы, и видение исчезло. Итан подавил внезапно охватившую его дрожь. Затем нахлынуло чувство абсолютной потерянности.

Да нет же, возьми себя в руки! Жизнь прекрасна. У тебя есть все, что хочешь. И ты прекрасно знаешь, что человек одинок. В самые тяжелые и важные моменты жизни человек всегда один. Ты совсем один, когда проходит любовь, один, когда рано утром заявляются копы, один, когда врач сообщает, что у тебя рак, один, когда дышаешь...

Он заставил себя отогнать печаль. Чтобы избежать депрессии, всегда следующей за большим достижением, нужно было во что бы то ни стало придумать новую цель на следующие несколько лет. Он на минуту задумался: может, заняться политикой?... Ему уже намекали на возможность стать членом команды в муниципалитете. Он чувствовал, что если целиком

⁷ ЯТТА – переводится примерно как «Я сделал это». Этот выкрик вошел в моду благодаря персонажу Хиро Накамура из американского сериала «Герои».

посвятит себя этому, то может стать мэром Нью-Йорка. Не на этих выборах, а на следующих, через восемь лет.

Вот о чем он мечтал, когда в кармане загудел «Блэкберри». Продюсер Эн-би-си волновалась, почему он опаздывает.

* * *

Итан пробежал несколько кварталов до Рокфеллер-центра. Добравшись до Пятой авеню, он свернул между 49-й и 50-й и проскользнул в цветущий Ченнел-Гарденс, парк рядом с «Тауэр-Плаза». Ветер трепал флаги и нарушал идеальную симметрию водяных струй, бьющих из фонтанов. Только сегодня программа шла не из студии, расположенной в Дженерал-Электрик-билдинг, а транслировалась прямо с улицы, у всех на виду, на знаменитой эспланаде в двух шагах от катка, под взглядом сверкающего бронзового Прометея.

Итан едва успел к гримеру. И вот уже на съемочной площадке его встречает Мэделайн Дэвин, звезда утреннего эфира. Беседа с ним должна была занять минут пять – между прямым включением Джеймса Бланта⁸ и журналистским расследованием загадочного исчезновения Элисон Харрисон, богатой наследницы, скандально известной благодаря беспорядочному образу жизни.

Конец рекламной паузы. Эфир через тридцать секунд. Мэделайн Дэвин в костюме пастельных тонов в последний раз перечитывала свои заметки. У нее было кукольное личико, фарфоровые зубки и платиновые волосы, убранные в хвост на затылке. Гример закончила освежать ее макияж, и ведущая жизнерадостно объявила:

– Наш следующий гость размышляет о мудрости в проявлении чувств и самоуважении. Его советы помогают пережить сложные периоды в жизни и разглядеть ее светлую сторону. Его имя возглавляет все списки лауреатов, а его книги помогают раскрыть неожиданные стороны нашей личности. Дамы и господа, встречайте Итана Уитакера!

Итан занял свое место под грохот аплодисментов. Нелегко идти после самого Джеймса Бланта, но он им сейчас покажет силу своей всепокоряющей ха ризмы.

Казалось, что на съемочной площадке «Субботы в Америке» страшно жарко из-за дымящихся кружек с кофе, стоявших перед каждым гостем. Большие корзинки с венскими булочками и фруктами создавали ощущение, что вы пришли на завтрак к друзьям. Мэделайн Дэвин начала беседу самым дружеским тоном. Программа выходила в самое лучшее время, когда у экранов зрителей больше всего, все было согласовано, Итан знал, что подводных камней и заковыристых вопросов бояться не стоит. Самое главное – быть достаточно убедительным и улыбаться. Он поудобнее уселся в кресле и расслабился, отдаваясь гладкому ходу беседы.

Ведущая: В своих книгах и выступлениях вы постоянно напоминаете о необходимости позитивного отношения к жизни...

Итан: Это правда. Для своего же блага мы должны гнать от себя негативные мысли, всегда видеть стакан наполовину полным, а не пустым. Чтобы добиться этого, нужно избавиться от внутренней предвзятости по отношению к самому себе, которая мешает идти вперед. Прочь сомнения! Не говорите себе больше – я бы хотел, говорите – я хочу! Не говорите больше – я бы мог, говорите – я могу!

Вынужденный из раза в раз повторять одни и те же фразы, Итан чувствовал себя какой-то заводной куклой.

⁸ Джеймс Блант (настоящее имя – Джеймс Хиллиер Блант) – популярный английский певец и музыкант.

Ведущая: Не следует путать удовольствие и счастье, не так ли?

Итан: Это верно: поиск простейших удовольствий не приводит к длительному счастью. Настоящее счастье возникает, когда ты повернут к другим, нацеливаешься на долгие отношения, на дружбу и на любовь, совершаешь бескорыстные поступки... Индивидуализм – это иллюзия. Только делая хорошо другим, мы получаем шанс добиться чего-то хорошего для себя.

Сколько красивых фраз, которых он никогда не говорил самому себе! Ах, как легко играть в профессора и выдавать перлы мудрости, и совсем другое дело – жить так самому...

Итан: Мы живем в обществе, которое все богатеет и богатеет, но вовсе не становится от этого счастливее.

Ведущая: Почему вы так думаете?

Итан: Видите ли, Мэделайн, наша страна потребляет три четверти производимых в мире антидепрессантов...

Ведущая: И как вырваться из этого порочного круга?

Итан: Нужно придавать больше смысла повседневному существованию.

Ведущая: То есть?

Итан: Мэделайн, у вас никогда не возникало ощущения, что жизнь от вас ускользает? Никогда не возникало ощущения, что вы живете в мире, где царит баракло? В мире, где наши желания формируются рекламой, где то, что мы покупаем, зависит от точки зрения соседа, а наши мысли – от того, что передают по телевидению?...

Все чаще и чаще на него стала накатывать усталость от участия в этом медиацирковом представлении, но как еще в наше время выгодно показать себя перед конкурентами?

Ведущая: Существует ли рецепт счастья?

Итан: Мы должны дерзнуть измениться, стать хозяевами собственной жизни, рискнуть заглянуть в глубь себя.

Ведущая: А у каждого ли есть шанс достичь счастья?

Итан: Я уверен, что не существует такой штуки, как судьба. Я думаю, мы должны брать на себя всю полноту ответственности за то, что происходит, и еще мне кажется, что у каждого есть шанс стать счастливым, только нужно развивать эту способность в себе.

Итан несколько раз прищурился, чтобы скрыть зевоту – следствие бурной ночи. Необходимо было сосредоточиться. Он настороженно относился к прямому эфиру, ведь малейшая оговорка способна оказаться роковой. И если удачная передача может вознести до небес, то провал наверняка разрушит карьеру. Несколько секунд он в шутку себя запугивал. Что произойдет, если он позволит себе некорректное замечание по поводу национальных меньшинств, женщин, религии, секса? Что произойдет, если он, например, разоткровенничается: *Знаете, Мэделайн, вчера вечером я отдрючил девочку по вызову, к тому же так торопился, что по дороге домой раздолбал машину...* День-два этот эпизод был бы № 1 на Ютубе и Дейлимоушн, камня на камне не оставляя от его репутации терапевта и прокладывая ему прямую дорогу к безвестности и нищете. Он попытался сосредоточиться, кинул быстрый взгляд на монитор (голубая рубашка неплохо смотрелась на экране, а благодаря автозагару казалось, что он только что вернулся из отпуска), слегка откашлялся и уверенно объявил...

Итан: Нужно научиться жить в настоящем. Слишком часто, оглядываясь на прошлое, мы мусолим чувство сожаления и вины. Слишком надеяться на будущее означает убаюкивать себя иллюзиями. Единственное, что имеет значение в жизни, – настоящий момент...

Ведущая: И последний совет для наших телезрителей...

Итан: Торопитесь жить, торопитесь любить, ведь вы не знаете, сколько времени вам осталось. Нам всегда кажется, что время еще есть, но это не так. В один прекрасный день мы понимаем, что прошли точку невозврата и уже слишком поздно.

Ведущая: Точку невозврата?

Итан: Это момент, когда понимаешь, что назад пути нет. Момент, когда понимаешь, что шанс упущен...

* * *

Итан в гримерной смывал экранный макияж. Он был доволен выступлением: эта мысль, которая пришла ему в голову в конце интервью – про *точку невозврата*, – была интересной находкой, которую, пожалуй, имеет смысл доработать на семинарах или в книжке.

Мэделайн Дэвин зашла к нему, чтобы поздравить с удачной передачей. Ей было нужно снять несколько кадров с Итаном «в жизни», чтобы выложить на сайт программы.

– Идеально было бы поснимать вас в кабинете, если вам удобно.

Итану было неудобно, но он не подал вида. Никакого желания тащить за собой какого-нибудь любопытного проныру у него сегодня утром не было.

– Фрэнк может поехать прямо сейчас, – предложила Мэделайн, указывая на оператора. – Через час все будет отснято.

Итан секунду поколебался. Мэделайн Дэвин нельзя говорить «нет», и Эн-би-си нельзя говорить «нет». Это деловой вопрос, а Уорхол был убежден: бизнес есть бизнес. С другой стороны, он не планировал появляться в офисе сегодня утром. Образ рыжеволосой девушки – загадочной и опасной – не выходил у него из головы, и он испытывал только одно желание: вернуться на яхту и убедиться в том, что она исчезла из его постели.

– Ну, что же, Итан, договорились?

«Нет, Мэделайн, давайте не сегодня», – наконец решился он. Но вместо этого услышал, как его собственный голос произносит:

– Конечно, скажите Фрэнку, пусть едет за мной.

3

Тайна Уитакера

*Дверь, через которую проникает к нам печаль, ведет в мир
обманчивых образов и суетности.*

Элен Гримо

Манхэттен

Суббота, 31 октября

10 ч 35 мин

Прочно вросший в берег Ист-ривер, небоскреб в стиле ар-деко занимал целый квартал на Уолл-стрит – самой знаменитой финансовой артерии мира. Он был не так высок, как его сосед, постмодернистский восьмиугольник Континентал-центра, сверкающий зеркальными окнами. Но высота не имеет значения. Интересно впечатление, которое он производит, сила его воздействия. А ослепительно-белые известковые стены, резкие углы и четкий силуэт дома № 120 по Уолл-стрит полностью соответствовали нужным параметрам.

Итан молниеносно пересек холл, оператор почти бежал за ним по залу, отделанному розовым мрамором, красным гранитом и блестящими никелированными деталями. Перед тем как войти в лифт, он позвонил Лиззи, своей секретарше. «Беседа» заняла не больше двух секунд, Итан коротко сообщил:

– Буду через минуту.

* * *

На тридцатом этаже Лиззи повесила трубку, размышляя, что же сегодня утром за настроение у патрона. В последнее время ей стало казаться, что он стал раздражителен, ничем не интересуется и выглядит усталым и разочарованным. Она работала с Итаном все эти годы, наблюдала за его взлетом от маленького кабинета в Гарлеме до роскошного здания на Уолл-стрит. Первый раз они встретились девять лет назад, Лиззи была тогда безработной. Толстая, невзрачная, без образования и квалификации, с нулевой само оценкой.

За талоны на питание бюро социальной помощи требовало несколько часов в день работать уборщицей в районных конторах, которые нуждались в подобного рода услугах. Так она и появилась у Итана, но тому больше требовалась секретарша, чем уборщица. Она так хорошо справлялась, что Итан, в конце концов взял ее на работу. Добившись признания, он сразу же продал свой кабинет и переехал в шикарный комфортабельный район. Лиззи не питала никаких иллюзий насчет своих шансов остаться на прежнем месте. Она знала амбициозность Итана и ни минуты не сомневалась, что молодой терапевт будет искать секретаршу, соответствующую уровню новых клиентов. Красивую блондинку с ясными глазами, изящной фигурой, тонкой талией, хорошими манерами и чувством юмора. Такую, какой она никогда не была и никогда не станет. Но Итан против всех ожиданий предложил ей последовать за ним. Она была тронута таким доверием, но сочла, что следует отказаться:

– Очень сожалею, но не могу.

– А в чем дело?

– Я не подхожу для того, чтобы встречать ваших новых пациентов. Мне кажется, я буду не к месту. К тому же мне не хватает образования.

Он покачал головой, одним жестом отбрасывая все ее аргументы, и на том разговор был окончен.

Это было проявлением того, что она по-настоящему любила в нем: он умел мотивировать людей. Это было его даром, истинной причиной его успеха. Это было то, что он сам не всегда осознавал и не всегда отдавал себе отчет, на что он способен. Хватало одного его слова, одного взгляда, чтобы вернуть пациентам уверенность в себе.

Она хотела соответствовать уровню и начала с того, что сбросила двадцать кило, сделала пластическую операцию носа, короткую стрижку и сменила привычные джинсы, свитера и майки на брючные костюмы от Донны Каран.

С тех пор она ходила к парикмахеру, у которого стриглась Дженнифер Коннелли, купила абонемент в салон красоты Сары Джессики Паркер и несколько недель делала инъекции ботокса, сначала убедив себя, что без этого никак не обойтись.

Теперь, когда она смотрелась в зеркало, ей казалось, что это не ее тело. Это было странное, необъяснимое и легкое чувство. Иногда у нее возникало ощущение, что даже кожа стала светлее.

На первый взгляд казалось, что жизнь стала проще. Зарплата и премии, которые выписывал Итан, позволяли ей отправить двух своих детей в лучшую школу и оплачивать содержание матери в доме для престарелых. Тем не менее она иногда с сожалением вспоминала старые добрые времена в Гарлеме, когда клиентами были простые люди, в большинстве темнокожие. Были тогда и насилие, и страх, и неустроенность, но жизнь, по крайней мере, была ключом. А сейчас деньги лились рекой, так что и ей перепадало немало, но здесь все было слишком большим, слишком правильным, слишком спокойным и гладким. Прежние *пациенты* сменились немногочисленными *клиентами* из касты избранных: люди из мира бизнеса, профессиональные спортсмены, политики, псевдознаменитости из прессы. Это не было настоящей жизнью.

Что думал обо всем этом Итан? В сущности, она понятия не имела. Она видела его каждый день, но он хорошо охранял свои тайны. Что она действительно о нем знала? Немного. Отношения у них были странные. Друзьями в прямом смысле слова назвать их было нельзя, но они без слов понимали, что могут друг на друга положиться. Лиззи была обязана ему всем, что имела, и на многое пошла бы ради него. Она даже составила такой список: солгать под присягой в суде, взять на себя его вину, посреди ночи помочь спрятать труп...

Но вот уже некоторое время она чувствовала, что патрона охватила странная подавленность, которая порой доходит до саморазрушения. Уже не однажды она заставала его по утрам спящим на диване в кабинете, а на низком стеклянном столике стоял стакан со спиртным и виднелись следы кокаина. Это ее очень встревожило, потому что патрон раньше был трезвенником. Что на него нашло? Сегодня утром она видела его выступление по телевизору. К концу программы телефон звонил не переставая, и она записала на прием больше народу, чем было возможно. Сайт, где велась запись на семинары, тоже готов был взорваться, а на Амазоне последняя книга Итана соперничала по количеству продаж со Стивеном Кингом и Джоном Гришомом.

Лиззи подумала, что выступление патрона было довольно обычным, кроме самого конца, когда он стал говорить более убедительно. А слова, которые он обронил вскользь – *точка невозврата*, – она была уверена, что это название следующей книги или доклада на ближайшей конференции.

И все-таки за уверенной манерой держаться и обаятельной улыбкой она угадала скрытую усталость и опустошенность. Он всегда все держал под контролем: свой имидж и речь, всегда был настороже, чтобы не сделать неверный шаг. В последние дни она почувствовала, что им грозит крушение, ощутила, что вот-вот все опрокинется. Но в какую сторону? Где хранится ключ к пониманию этого человека? Она чувствовала, что он завершает какой-то цикл, и хотела помочь ему пережить стресс и тревогу, которые он пытался скрывать при помощи всегда бодрой улыбки и лихорадочной деятельности. Возможно, стоит поговорить с ним напрямую, но пока ей не хватало смелости. В любом случае не сегодня, когда у него и других дел достаточно.

Рано утром, придя на работу, перед дверью кабинета Лиззи обнаружила совсем молоденькую девушку. Как ей удалось проскользнуть незамеченной мимо портье? Загадка. В любом случае она была красива и уже сидела перед кабинетом, прислонившись спиной к стене и стиснув в кулаке газету «Нью-Йорк таймс» со статьей, посвященной Итану.

– Мне надо видеть Итана Уитакера, – заявила она враждебным тоном.

Чтобы успокоить ее, Лиззи широко улыбнулась и очень спокойно объяснила, что сначала нужно договориться о встрече.

– Но поскольку ты несовершеннолетняя, о встрече придется договариваться твоим родителям, – добавила она, по-прежнему улыбаясь.

– Мне надо увидеться с ним сегодня же, – ответила девочка.

– Это невозможно.

– Я подожду.

Лиззи уже взялась было за телефон, чтобы вызвать охрану, но передумала. Решать проблемы при помощи силы слишком легко и к тому же бесчеловечно. И она разрешила девочке остаться в приемной, прекрасно зная, что Итану это не понравится.

* * *

– Ну, и как я вам? – спросил Итан у Лиззи, пока оператор устанавливал камеру.

– Великолепны, как всегда, – ответила она, протягивая ему чашку кофе. – И все-таки вы немного устали, верно?

– Выглядело так?

– Да нет, все было отлично, не беспокойтесь. – Она положила перед ним разобранную почту и утреннюю прессу, а потом заметила: – В любом случае, вы отлично подметили насчет *точки невозврата*.

– Ага, тем лучше. Мне тоже понравилось. А статья в газете?

– Очень лестная. А потом еще и фото – вы просто вылитый Клуни.

Это была неправда, но она знала, что ему будет приятно.

– Что-нибудь уже получилось?

– Я вам переслала последние цифры – вы будете приятно удивлены.

Итан, очень довольный, уселся за стол и включил «МакБук», синхронизированный с обновлениями в его «Блэкберри». Лиззи предложила кофе оператору Стиву, который затаив дыхание наслаждался видом на город, открывавшимся из окна.

Потом она наклонилась к Итану и прошептала:

– Нужно кое-что уладить. – И сделала ему знак вый ти из комнаты.

– Что случилось?

– Вас кое-кто ждет в приемной.

– Я же сказал вам, никаких встреч сегодня.

– Я знаю, но...

– Кто это?

– Совсем молоденькая девушка. Настаивает на встрече с вами.

– Объясните ей, что это невозможно, и все. Это же ваша работа.

Перед тем как вернуться в кабинет, Итан подошел к столу Лиззи и, не смущаясь, полез в ящик ее стола.

– У вас еще остались таблетки от мигрени? У меня с утра жутко болит голова!

Лиззи хозяйской рукой закрыла ящик, твердо решив не дать собой командовать. Она вытащила из сумочки две таблетки и молча протянула их патрону.

Итан посмотрел на таблетки и двинул с презрением.

– Мне нужно что-то по сильнее!

Лиззи повернулась к полкам, вытащила одну из книг и бросила ее на стол. На обложке светилось улыбкой знакомое лицо, спокойное и уверенное.

Итан Уитакер

ВЫЛЕЧИТЬСЯ ЭФФЕКТИВНО И БЕЗ ЛЕКАРСТВ

Продано уже 400 000 экземпляров

– Возможно, вам стоит самому следовать тем советам, которые вы даете другим!

Итан стойко выдержал атаку. Лиззи дала ему вполне заслуженный отпор. Его охватила глубокая тоска. Опустошенный и подавленный, он чувствовал лишь легкую тошноту и страх. Этот страх не покидал его, он безуспешно боролся с ним с тех пор, как проснулся рядом с той женщиной, а потом обнаружил царапины на машине. Он снова попытался собрать воедино обрывки воспоминаний об этой безумной ночи. Он ясно помнил, как входил в «Социалист» примерно в девять часов. Помнил кубинскую музыку и текилу. Но что было потом? Несколько сцен промелькнуло перед глазами, болезненно сплетаясь в одну картину: фыркающие мотоциклы, танцующие на стойке девушки, официантки в кожаных лифах, которые выкрикивали в микрофон какие-то ругательства. Ему было знакомо это место! «Хогс анд; Хейферз», *байкерский* бар в Митпекинг-дистрикт: сдержанно-декадентское местечко, которое вдохновило создателей фильма «Безумный Койот». А потом? Он вспоминал... вспоминал... и ничего не мог вспомнить...

А голова просто раскалывалась.

Ни в коем случае нельзя было соглашаться валять дурака перед этим оператором. Надо было прямиком отправиться на яхту и все выяснить.

Поддавшись внезапному порыву, он сел за стол Лиззи и взглянул на телефон. В конце концов, телефон есть и на яхте. Нужно просто позвонить, возможно, таинственная незнакомка ответит на звонок. И правда, после трех гудков трубку взяли.

– ...

– Аллю?

– ...

На другом конце линии молчали, только ровное дыхание выдавало чье-то присутствие.

– Аллю? – повторил Итан. – Кто вы?

Ответа не последовало.

Этот разговор в одну сторону продолжался еще секунд двадцать, а потом на яхте повесили трубку.

Лиззи скорбно качала головой, наблюдая за странным поведением патрона.

– Я вам все потом объясню, – заверил ее Итан, поднимаясь со стула.

Его все больше и больше беспокоил поворот, который принимали события.

А у Лиззи была другая забота.

– Мне кажется, вы очень нужны одной пациентке.

4

Джесси

Вот какой сюжет интересует меня больше всего: любовь, отсутствие любви, смерть любви, боль, сопровождающая потерю того, что было самым необходимым.

Джон Кассаветис

Итан открыл дверь в приемную плохого настроения.

Безупречно чистая комната купалась в холодном голубоватом свете, типичном для Манхэттена. Съежившись и положив подбородок на колени, на светлом кожаном диване сидела девочка лет тринадцати-четырнадцати и пустым взглядом смотрела в окно. Глаза ее ожили, когда Итан вошел в комнату, и секунды две терапевт и девочка молча изучали друг друга. Она была бледная и усталая, под глазами синяки. Черт лица было почти не разобрать под светлыми, очень длинными волосами, которые падали ей на лоб. Но она производила впечатление существа нежного и хрупкого, несмотря на джинсовый жилет и слишком большую для нее летнюю куртку.

– Где твои родители? – спросил Итан без предисловий.

– Умерли, – в тон ему ответила она.

Итан покачал головой.

– Нет, ты врешь, – не колеблясь, заявил он. – Я умею определять, когда люди говорят неправду. Ты сейчас лжешь.

– Вы знаете, как отличить правду от лжи?

– Да, это моя работа.

– А я думала, ваша работа – помогать людям.

Итан постарался взять себя в руки.

– Итак, как тебя зовут?

– Джесси.

– А сколько тебе лет?

– Семнадцать.

– Нет, сколько тебе лет на самом деле?

– Четырнадцать.

– Послушай, Джесси, ты еще ребенок, поэтому я не могу консультировать тебя без родителей или опекуна, понимаешь?

– Вы знаете, что я не смогла бы вам заплатить.

– Дело не в деньгах.

– Конечно, в деньгах! Вы разговариваете со мной таким тоном, потому что думаете, что я бедная!

Итан вздохнул. А потом машинально полез в карман за сигаретами.

– А я думала, это запрещено. – Она кивнула на сигарету, которую он поднес к губам.

– А разве кто-нибудь курит? – спросил он, показывая, что она не зажжена.

– Если бы я была одной из этих богатеньких девчонок и пришла бы с родителями, вы бы по-другому себя вели, ведь правда же?

– Ага, правда, – ответил Итан, теряя терпение.

– Такова жизнь, да?

– Да, такова жизнь, и иногда она бывает несправедливой и отвратительной. Тебя устроит такой ответ?

– А по телевизору вы казались симпатичным, – с досадой протянула она.

Итан посмотрел на часы. Он думал о типе, который ждет его в кабинете, о девушке на яхте, о череде странных событий, совершенно выбивших его из колеи, о презрении, только что мелькнувшем в глазах Лиззи, и о разочаровании, которое, насколько он понимал, испытывает сейчас эта девочка.

– Ты зачем сюда пришла?

– Хотела... чтобы вы мне помогли.

– Послушай, моя секретарша даст тебе адрес коллеги, специалиста по психологии подростков. Скажи, что ты от меня.

– Но я пришла к вам!

– А я тебе помочь не могу.

– А вот в газете писали, что вы...

– Не стоит верить всему, что пишут в газетах, – перебил он.

Она откинула с лица спутанные волосы, и Итан на миг поймал ее взгляд – потерянный взгляд, который, безусловно, тронул бы его раньше, в те времена, когда у него еще было сердце. Он немного подумал, а потом сказал:

– Ладно, ты сейчас возьмешь свои вещи и пойдешь домой.

– А вы знаете, где я живу?

– Нет, и знать не хочу.

Она покорно опустила голову и взяла рюкзак, лежавший рядом на диване. Оттуда выпала салфетка с ярким логотипом кафе на Фронт-стрит. Потом направилась к двери, по дороге сильно его толкнув.

Рассердившись, он резко схватил ее за руку.

– Да что с тобой такое?

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга, пытаясь угадать, что же на самом деле скрывается у каждого в душе. Джесси увидела поселившуюся в нем бесконечную усталость. А он был поражен невыразимым страхом в глазах девочки.

– Так что с тобой такое? – повторил он.

Она отвернулась.

– Я бы хотела... я бы хотела перестать бояться.

– А что тебя пугает?

– Все.

Впервые за долгое время Итан почувствовал, что испытывает какое-то хорошее человеческое чувство.

– Подожди меня здесь, – попросил он. – Я приду минут через десять.

* * *

Вернувшись в кабинет, Итан обнаружил, что оператор уже с ума сходит от нетерпения. Он извинился за задержку и, чтобы побыстрее закончить, стал послушно выполнять все указания телевизионщика. Не без помощи Лиззи все было готово меньше чем через полчаса. Пока оператор складывал оборудование, Итан мельком просмотрел почту, лежавшую на столе. Один конверт из плотной бумаги, перевязанный ленточкой, привлек его внимание: приглашение на свадьбу.

С того момента как он сегодня утром открыл глаза, он не сомневался, что ему предстоит тяжелый день. Прочитав женское имя, указанное на приглашении, он понял, что день будет просто чудовищным.

5

Случиться может все

Все, что я любил когда-то, неважно, удалось мне это сохранить или нет, я буду любить всегда.

Андре Бретон. «Безумная любовь»

Итан сидел неподвижно, зажав письмо в руке, парализованный тем, что только что прочел.

Селин...

Селин, Себастьян и их родители счастливы пригласить Вас на свадьбу и надеются, что Вы сможете присутствовать на брачной церемонии, которая состоится в субботу, 31 октября, в 14 часов, в садах ресторана «Боатхаус» по адресу:

Ист 72-я улица атр; Парк-Драйв-Норт

Центральный парк – Нью-Йорк

Благодарим за карточку с ответом, которую просим прислать в конверте до 15 октября.

Селин сегодня выходит замуж и хочет, чтобы он об этом знал. Он поискал на конверте адрес, но ни штампа, ни указания отправителя не было. Без сомнения, кто-то должен был доставить письмо сегодня утром, но с какой целью? Просто сообщить новость или поиздеваться?

В ушах его прозвучал голос бывшей возлюбленной, которая шептала: «Видишь, ничтожество, я могу жить и без тебя, я счастлива без тебя, я люблю другого...»

Он закрыл глаза и отчетливо представил себе ее лицо – нежные черты, светящийся взгляд, пряди непослушных волос, изящно выбившихся из прически. Он почувствовал запах ее кожи, услышал ее заразительный смех и то, как меняется ее голос, когда она произносит его имя.

И почувствовал, что сломлен.

Он пытался бороться, отгоняя воспоминания, – он же с таким успехом справлялся с этим долгие годы. *Это все старая история. Тем лучше, что Селин наконец счастлива. Не забывай, ты сам ее бросил. Для ее же блага.* Но прежние механизмы защиты сегодня не работали. Вместо того чтобы обрести видимость спокойствия, он вынужден был признаться себе, что чуть не плачет.

Где бы он был сейчас, если бы не бросил Селин?

Кем бы он стал?

Он отвернулся, чтобы избежать любопытных глаз оператора, и подошел к окну, оставшись один на один с городом и ослепительным небом над ним. Глаза его были полны слез, он оперся руками о стену и прислонился лицом к стеклу. И словно в зеркале, увидел свое отражение. Сколько уже он не смотрел на себя в зеркало *по-настоящему*?

Перед ним был одинокий, слабый человек, раздираемый противоречиями. Человек, стоявший на краю пропасти, убитый горем и стыдом. Человек, постоянно борющийся с самим собой. Это была беспощадная борьба против личного врага: любезного терапевта – такого «идеального зятя», вполне подходившего самому себе, – которого он создал по кусочкам, безупречное совершенство, принесшее ему богатство и славу и в конце концов разрушившее его, полностью подчинив себе его жизнь.

Он закрыл глаза и почувствовал, как слезы текут по щекам. Это было странно, потому что в последнее время он плакал, только напившись. Возможно, никогда еще он не чувствовал себя таким уязвимым, словно внутри прорвалась плотина, выпуская все чувства на свободу. Никто не может жить, постоянно контролируя себя и не поддаваясь никаким эмоциям.

Он все время ощущал за спиной присутствие оператора, и это мешало полностью отдаться своему горю. Почему этот тип все никак не выйдет из комнаты?

Ну хватит уже, пожалуйста! Вали отсюда!

Итан готов был уже повернуться и крикнуть, чтобы тот убирался, но боялся, что голос сорвется.

Единственное, чего ему сейчас хотелось, так это остаться одному, совершенно одному. Задернуть занавески и напиться до полусмерти. Погрузиться в мир иллюзий, промыть мозг водкой, этим временным пропуском в призрачные дали, в легкую счастливую жизнь, где Селин все еще любит его, в искусственный рай, где люди не спят в коробках, где на улицах не взрывают машины, где ледники не тают со скоростью света и где слово «рак» – просто название одного из знаков Зодиака.

Всего несколько миллиметров сейчас отделяло его лицо от стеклянной стены, последней защиты от пустоты. Он посмотрел вниз. Картина была захватывающая, перед ним открывался вид на Ист-ривер и Саут-стрит-сипорт, морской порт Манхэттена. Огромные яхты, пришвартованные вдоль пирса, были отчетливо видны на фоне стальных столбов и готических колонн Бруклинского моста.

Сто двадцать метров вниз: на улицах, в ресторанах, парках и магазинах жизнь текла своим чередом, но Итан уже не чувствовал, что принадлежит ей. В этот миг его охватило желание броситься в пустоту, прекратить боль любой ценой. Он закрыл глаза и представил себе, как вставляет пули в обойму пистолета. Потом почувствовал, как тяжелое холодное дуло касается виска. Палец на спусковом крючке, еще немного...

Ужасный взрыв, похожий на выстрел, прогремел совсем рядом, а вслед за ним раздался душераздирающий крик.

* * *

Резкий звук взрыва сразу же заставил Итана прекратить жалеть себя.

Лиззи?

Все остальное происходило в пелене растерянности и ярости, криков и крови.

Итан бросился к кабинету. В коридоре никого не было. Из-за двери в приемную послышался новый вопль. Он метнулся туда и обнаружил секретаршу, склонившуюся над Джесси. Все было забрызгано кровью. Но Итан не мог понять, что произошло: фигура Лиззи заслоняла собой девочку, и он спрашивал себя, кто же из них ранен. Он сделал шаг вперед, потом второй, и перед ним открылась ужасная картина. Почти половина головы Джесси была снесена выстрелом. Ее детское лицо было деформировано кровавой раной, из которой вываливались куски мозга.

Это невозможно.

Двигаясь, словно робот, Итан тоже встал на колени около девочки. В ее правой руке был пистолет.

Джесси покончила с собой.

Этого не может быть. Девочки четырнадцати лет не пускают себе пулю в голову даже в наше безумное время.

Итан повернулся к Лиззи. Она звонила в «Скорую», прекрасно зная, что это бесполезно: не нужно быть врачом, чтобы понять – девочка мертва. Итан беспомощно склонился к Джесси и погладил ее по щеке.

В ее мертвых глазах до сих можно было увидеть панический ужас, который до этого так поразил Итана.

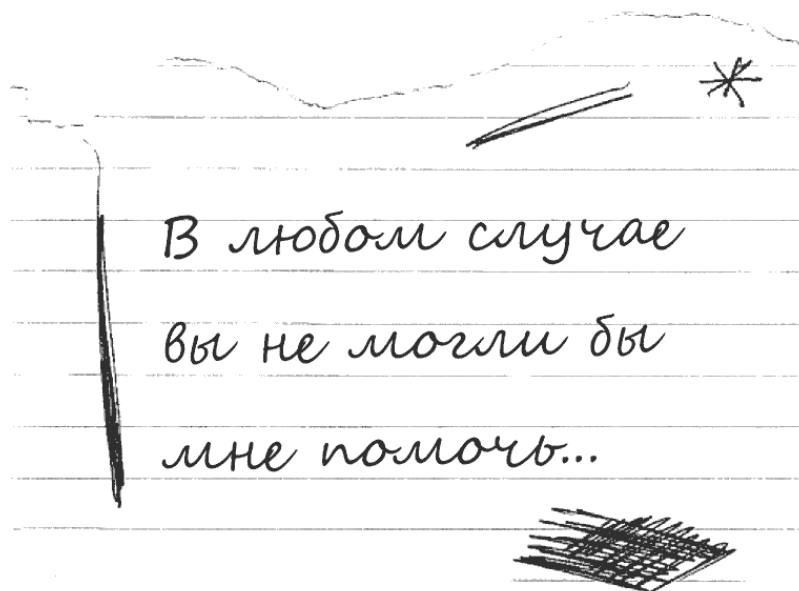
Ты попросила у меня помощи, а я тебе отказал. Ты показала мне, как страдаешь, а мне было все равно...

Отражение в оконном стекле заставило его обернуться: в нескольких метрах позади них стоял оператор, снова включивший камеру.

Этот мерзавец снимал все на пленку!

Охваченный бешенством, Итан вскочил и замахнулся на папарацци. Тот увернулся от удара и бросился к выходу, сгорая от счастья, что первым снял скандальный сюжет. Итан бежал за ним до пожарной лестницы, но, несмотря на тяжелую камеру, оператору удалось намного опередить преследователя. Итан быстро сдался. Он чувствовал, что сил бежать дальше у него нет. Вместо этого он вернулся в кабинет и снова опустился на колени подле Джесси. Какая-то загадочная сила заставила его взять девочку за руку, словно он не хотел оставлять ее одну во время перехода в иной мир, в существование которого он, по правде говоря, не особенно верил.

Взяв в руку ее влажную ладонь, он обнаружил зажатую в ней скомканную бумажку, предсмертную записку, которую она оставила для него, прежде чем умереть:

6

Сила обстоятельств

Судьба – это то, что случается с нами тогда, когда мы этого не ждем.

Марсель Пруст

Манхэттен

Суббота, 31 октября

13 ч 08 мин

Итан в сопровождении адвоката вышел из полицейского участка 66-го квартала после тяжелого двухчасового допроса. Когда он спускался по лестнице, его ослепила яркая вспышка. Он заслонил рукой глаза и увидел объектив фотоаппарата – фотограф прятался за мраморной колонной. Чтобы его защитить, адвокат сделала решительный жест, показывая, что нужно вернуться в центральное здание.

– Вы читали «Костры амбиций»?⁹ – поинтересовалась она, указывая на боковой выход.

– А что?

– Там описано все, что может с вами произойти, – сдержанно предупредила она. – Пресса, которая души в вас не чаяла, пока вы были на коне, будет первой аплодировать вашему провалу...

– Но я же ничего не сделал! – возразил он.

– Вы оказались не в том месте и не в то время, а порой этого достаточно, чтобы все рухнуло.

– Мне казалось, вы здесь, чтобы меня защищать!

– *Мужество человека измеряется его способностью глядеть правде в глаза:* ведь именно это вы пишете в своих книгах?

Итан открыл было рот, чтобы возразить, но не нашел убедительных доводов.

Они подошли к служебной лестнице, выходящей на узенький внутренний двор, зажатый между вереницами полицейских машин и строительными лесами.

Она предложила подвезти, но Итан предпочел пройти пешком. Контора находилась всего в нескольких улицах от этого места, он быстро дошел до дома № 120 по Уолл-стрит и обнаружил, что полиция опечатала его офис. Раздосадованный, Итан отправился в подземный паркинг и сел в машину. Долго сидел, бездумно вглядываясь в зеленоватый сумрак стоянки. Почему он чувствует себя преступником? Почему *детектив*, который его допрашивал, сделал все, чтобы заставить его себя так чувствовать? Официально Итан отнюдь не считался подозреваемым, но, учитывая возраст жертвы и чудовищное отчаяние того, что она совершила, происшествие наделает шуму, и общественность будет искать козла отпущения.

Как быстро все перевернулось с ног на голову.

Он закрыл глаза и стал массировать пальцами веки. Утренние события, горестные и жестокие, мелькали перед ним, словно кадры из фильма: выстрел, последующее безумие, полиция, конфискация из приемной камер слежения, и самое ужасное – белые носилки, на которых унесли тело девочки, совсем ребенка.

Эта девочка, Джесси... Копы не обнаружили у нее в рюкзаке ни одного документа, подтверждающего личность. Так что о ней ничего не было известно наверняка, даже имя.

⁹ «Костры амбиций» – роман Тома Вулфа, вышедший в 1987 году. В книге описано, как богатый финансист с Уолл-стрит после убийства молодого чернокожего парня в Бронксе становится объектом травли журналистов. Его привычная жизнь полностью разрушена. – *Прим. авт.*

А он не проявил к ней абсолютно никакого интереса и нисколько не посочувствовал. Не задал ей ни одного вопроса о том, что ее тревожит и пугает. А она между тем пришла именно к нему, *к нему и ни к кому другому*. Вырезала из газет посвященные ему статьи, смотрела передачи с его участием. И вот к чему это все привело. Она искала союзника, просила о помощи, а он оставил ее с отчаянием один на один.

Конечно же, теперь он готов был отдать все на свете, чтобы вернуть время на три часа назад. Так всегда бывает после трагедии: *если бы я знал, если бы я мог все вернуть, если бы у меня был второй шанс, которого никогда не бывает...* Но, увы, назад вернуться нельзя.

Вспышка фотоаппарата папарацци вывела его из задумчивости.

Итан открыл глаза, и вспышка осветила того же фотографа, который преследовал его раньше: он безостановочно снимал салон машины. Каждая вспышка парализовывала его, словно это была не вспышка, а электрический разряд. Пытаясь спастись, он повернул ключ зажигания, и «Мазерати» резко рванулась с места, вынуждая папарацци отпрянуть назад. Итан поехал зигзагом между столбов, преследуя фотографа еще метров пятьдесят, а потом выехал с парковки.

* * *

Итан без определенной цели поехал по Фултон-стрит и добрался до Бродвея. Перед его глазами вновь всплыло лицо Джесси.

Немыслимо, что он сразу обо всем не догадался. Сейчас он ясно вспомнил то, что должно было его насторожить: шрамы на руке, призрачную бледность, придававшую девочке сходство с увядшим цветком, циничную откровенность, совершенно не подходившую ей по возрасту. Но теперь уже поздно.

Самоубийство в подростковом возрасте – это не свободный выбор. Какая роковая сила могла толкнуть девочку четырнадцати лет разmozжить себе голову прекрасным осенним утром? Какое горе? Какое унижение? Какая ярость? Какая обида? Что за страх сломил ее?

Все эти вопросы ты должен был задать ей, когда она стояла перед тобой... Должен был поговорить с ней, вызвать на откровенность. Ты обязан был сделать именно это, но вместо этого ты по уши погряз в собственных проблемах.

Он свернул с Бродвея и поехал по району Маленькая Италия, а потом двинулся к Нолита и Ист-Вилледж. Он ехал бездумно, без определенной цели. Ему хотелось сбежать, только и всего.

С другой стороны, он понимал, что должен принять на себя ответственность за все последствия своих действий.

Конечно, это не ты нажал на курок, но вину за это тебе придется нести до конца жизни.

В телепередачах и на конференциях он часто рассуждал о самоубийстве, бросаясь направо и налево цифрами, которые знал наизусть: «Около 3000 человек по всему миру каждый день совершают самоубийство, таким образом каждые 30 секунд кто-то сводит счеты с жизнью».

Жертва самоубийства каждые тридцать секунд? Ну-ка давай, посчитай, чтобы представить себе яснее:

1...2...3...4...5...6...7...8...9...10...11...12...13...14...15...16...17...18...19...20...
21...22...23...24...25...26...27...28...29...30...

СМЕРТЬ.

1...2...3...4...5...6...7...8...9...10...11...12...13...14...15...16...17...18...19...20...
21...22...23...24...25...26...27...28...29...30...

Две смерти.

1...2...3...4...5...6...7...8...9...10...11...12...13...14...15...16...17...18...19...20...
21...22...23...24...25...26...27...28...29...30...

Три смерти.

1...2...3...4...5...6...7...8...9...

Быстро, да?

Но ты сразу же растерял все свои знания, умник, когда эта девчонка умирала у тебя на руках, размозжив себе голову. Смерть, которая происходит у тебя на глазах, это не цифры в книжках, не так ли?

* * *

«Мазерати» выдохлась на пересечении Бауэри и Стювесант-стрит. Словно песенка со старой пластинки, ритмичная мелодия мотора постепенно стихла. Машина медленно проехала еще несколько метров и остановилась.

Только этого не хватало.

Итан хлопнул дверью машины и встал на тротуар. Осмотрелся. Он стоял в начале Сент-Маркс-плейс, в самом сердце Ист-Вилледж. Это был странный район, один из последних кварталов Манхэттена, который избежал «чисток» в последние десять лет.

Вздыхнув, он открыл капот. Машина-то совсем новенькая, он заплатил за нее 140 тысяч долларов...

Он склонился над мотором, с сомнением покачивая головой.

Ладно, бессмысленно делать вид, что ты разбираешься в моторах...

Он порылся в портфеле, нашел страховую карту, набрал номер и попросил прислать эвакуатор.

— У нас нет машин экстренного вызова, можем прислать помощь только через два часа, — извиняющимся тоном сказала оператор.

— Два часа! — чуть не поперхнулся Итан.

— Забастовка такси повлияла на дорожное движение, — объяснила она, — много аварий.

На том разговор и закончился. В крайнем раздражении он захлопнул капот и закурил: обычно это помогало успокоиться.

Улица была подозрительно пустынна, дул южный ветер, поднимавший столбы пыли, крутивший вдоль тротуаров опавшие листья и газеты, выпавшие из мусорных бачков. Надо признать, не самый чистый уголок Манхэттена. Ист-Вилледж был запущенным, пользующимся дурной славой районом, где обосновались наркодилеры, проститутки, люди, имевшие проблемы с полицией, и вообще маргиналы всех мастей. Но это также было и место, где творили битники, играл джаз, расцветала контркультура, рок и панк. Здесь сразу вспоминались легендарные имена: Телониус Монк, Энди Уорхол и Жан-Мишель Баския; Патти Смит, «Полис» и «Клэш» выступали в клубе CBGB¹⁰, который находился чуть дальше по улице. Конечно, со временем район изменился, стал гораздо оживленнее, но сохранял репутацию места, где царят андерграунд и независимая культура.

Итан сделал несколько шагов по Сент-Маркс-плейс. Он уже бывал здесь пару раз и помнил эту оживленную улицу с барами, секонд-хендами, лавочками, где продавались старые диски, и салонами татуажа и пир синга. Но в эту субботу Сент-Маркс-плейс, казалось, оцепенела и была похожа на улицу какого-то города-призрака.

¹⁰ CBGB — музыкальный клуб, существовавший с 1973-го по 2006 год в Нью-Йорке. Название клуба расшифровывается как Country, BlueGrass, Blues, но он, вопреки намерениям основателя, стал известен не столько исполнением кантри или блюграсс, сколько тем, что здесь зародились панк-рок и нью-вейв.

Резкий визг тормозов заставил его обернуться. Мчавшееся сзади на всей скорости такси, чуть не сбив его, дернулось и затормозило всего в нескольких метрах.

Странно...

Это был не традиционный «Форд Краун Виктория», который обычно ждет пассажиров на углу улицы, а давно вышедшая в тираж модель – «Чекер» с округлыми формами, который можно увидеть только в старых фильмах. За рулем такого сидел Де Ниро в «Таксисте».

Итан нахмурился.

Наверняка коллекционная машина...

На крыше машины горели три световых знака, что означало – такси свободно. И что еще удивительнее, аварийная лампа, которую обычно используют, чтобы предупредить полицию об опасности, тоже была включена.

Охваченный любопытством, Итан подошел к автомобилю поближе. Когда он наклонился к окну, стекло опустилось, и он увидел огромное лицо.

– Куда-нибудь подбросить?

Шофер был чернокожим, могучего телосложения, лицо выбрито, кожа лоснилась. Правый глаз был незрячим, и закрывавшее его веко придавало таксисту меланхолический вид.

Итан попятился, удивленный неожиданным предложением.

– А вы работаете?

– Можно и так сказать.

Терапевт заколебался. Предложение казалось заманчивым: он ни в коем случае не собирался два часа дожидаться аварии, а, по счастью, «Мазерати» стоял в таком месте, что совершенно не мешал движению. В конце концов он открыл дверь *желтой машины* и устроился на заднем сиденье.

Таксист тронулся с места, даже не спросив, куда ехать.

* * *

Как только Итан понял, что в такси нет счетчика, он спросил себя, в какую передерягу опять ввязался. Как и любой житель Нью-Йорка, он слышал о том, как в нелегальных такси грабят туристов, но сомневался, что это тот самый случай: несмотря на телосложение как у регбиста, этот *таксист* почему-то казался странно кротким.

– Тяжелый день? – спросил он, поглядев на Итана в зеркало заднего вида.

– Уф... да, хуже некуда, – признался Итан, растерявшись. И внимательнее взгляделся в шофера. Как у Роберта Митчема в фильме «Ночь охотника», на каждой руке у него были татуировки, на пальцах синели буквы LOVE и FATE¹¹, видимо, судьба у него была непростая. На лицензии таксиста, прикрепленной к спинке сиденья, можно было прочесть его имя – Кертис Нэвилл – и то, откуда он родом, – из Бруклина.

– Вы в этом вообще не виноваты, – вдруг произнес он ободряющим тоном.

– В чем?

– В самоубийстве девочки.

Итан вздрогнул.

– Вы о чем?

– Вы сами прекрасно знаете.

– Вы... вы видели меня по телевизору, да? – спросил терапевт, вспомнив убегающего оператора. – Уже успели показать!

Кертис уклонился от прямого ответа.

¹¹ Любовь и судьба. Слово «fate» (судьба) заменяет здесь привычное слово «hate» (ненависть) из песни Эйо.

– Нельзя противостоять естественному ходу событий, – пробормотал он. – Нельзя ничего сделать со смертью и предотвратить ее.

Итан вздохнул, даже не попытавшись возражать. И глянул на зеркало заднего вида – свисавшие с него четки из серебра и перламутра тяжело покачивались в такт движению машины.

– Делать вид, что борешься с судьбой, – это просто иллюзия, – продолжал чернокожий.

Итан покачал головой. Не первый раз ему приходилось выслушивать излияния просветленного. Главное – не дать втянуть себя в эту игру.

– Мне кажется, что судьба этой девочки была умереть, – опять заговорил шофер. – Я думаю, вы все равно не могли бы ее спасти, даже если бы и уделили ей больше внимания.

– То есть мы ни за что не отвечаем, так, что ли? – не удержался Итан, таким наивным показалось ему это рассуждение.

На этот раз Кертис немного подумал, прежде чем уверенно ответить:

– Я думаю, существует определенный *порядок вещей*. И этот порядок нельзя ни нарушить, ни отменить.

– Вы действительно верите, что все предначертано заранее? – не скрывая презрения, спросил Итан.

– Да. Время похоже на страницы в книге: вы читаете 51-ю, но 52-я и 53-я уже написаны.

– А как насчет случайностей?

Кертис покачал головой.

– А я считаю, случайностей не бывает. Или, вернее, случайность – это Бог. Да-да, именно *случай – это Бог, который действует инкогнито...*

– А свобода воли?

– То, что вы называете свободой воли, – всего лишь притворство, иллюзия, в которую мы хотим верить, притворяясь, что решаем что-то в том, что от нас совершенно не зависит. Вам это никогда не приходило в голову? Есть те, кому жизнь всегда улыбается, и те, на кого постоянно сыплются удары судьбы.

Итан знал эту речь наизусть. Некоторые из его пациентов – в особенности те, кто был не способен признать своей вины в каком-нибудь трагическом происшествии, – рассуждали примерно так. Но какая тайная вина угнетает Кертиса Нэвилла?

Итан внимательно огляделся. Салон был полон всяких странных безделушек – статуэтка Девы Марии, фигурка ангела-хранителя, засушенные цветы, прикрепленные к сиденьям, карты «Марсельского таро»¹², там и сям затейливо прикрепленные скотчем и, казалось, связывающие между собой многочисленные детские рисунки, которые даже слегка закрывали окна. Все это напоминало убранство... мавзолея. В голове Итана все разом встало на свои места.

– Это ваш сын? – спросил он, указывая на снимок маленького мальчика в серебряной рамке, укрепленной на приборной доске.

– Да, это Джонни.

– Сколько ему лет?

– Шесть.

Итан не сразу задал следующий вопрос. А если он ошибается? А если...

– Он погиб, не правда ли?

Слова сами сорвались с языка.

– Да, – едва слышно признался шофер. – Два года назад во время летних каникул.

– И как это произошло?

¹² «Марсельское таро» – название карт таро с особым, исторически сложившимся типом рисунка. Впервые это название употребил Папюс в книге «Цыганское таро» (1889). Но еще долго после того европейские оккультисты называли этот тип «итальянским», потому что в нем используются итальянские знаки мастей. Во Франции такие карты производились с XVII века не только в Марселе, но и в других городах. Окончательно ввел в обиход название «Марсельское таро» Поль Марто, опубликовавший в 1949 году книгу с одноименным названием, в которой были описаны символические значения всех 78 карт.

Кертис ответил не сразу, в салоне воцарилась тишина, а он пристально смотрел на дорогу, словно не слышал вопроса. Потом неожиданно стал рассказывать о своей трагедии, с трудом, словно через силу, вытаскивая на свет обрывки горьких, глубоко похороненных в сердце воспоминаний.

– Был прекрасный день, – начал он, полузакрыв глаза. – Я делал в саду барбекю... Джонни плескался рядом в надувном бассейне, а его мать сидела на веранде и напевала песенку... На лужайке Зефир, наша собака, ирландская борзая, забавлялась со старым «Фрисби»... Она жила у нас уже три года... Это был большой пес, очень сильный, но добрый и преданный... Мы его выдрессировали как надо: несмотря на рост, он был совершенно безопасен, очень спокоен и даже лаял редко.

Итан сидел молча, внимательно слушая рассказ Кертиса, и следил за малейшим изменением его голоса.

– ...и вдруг без всякой причины... собака резко бросилась на Джонни, стала кусать его за грудь и за шею, потом схватила зубами за голову... – Кертис опять надолго замолчал, шмыгая носом и протирая невидящий глаз, а потом заговорил снова: – Я бросился оттаскивать его от сына голыми руками, но сразу понял, что уже слишком поздно: пес разорвал его на куски, как какой-то кусок говядины. Джонни умер, держа меня за руку, в вертолете по пути в больницу.

* * *

Тишина.

Казалось, облака перепрыгивают с одного здания на другое, отражаясь в зеркальных стеклах.

* * *

– После смерти сына я пережил такое горе, что и словами не выразишь, никак мог справиться, и жена меня бросила – так и не смогла простить мне того, что случилось с Джонни, – и я не раз думал о том, чтобы тоже умереть, пока не понял.

– Пока вы не поняли чего?

– То, что я был не виноват.

Автомобиль продолжал ехать, они миновали Медисон-сквер, Гранд-Сентрал и направлялись к Мидтауну.

– Никто не виноват, – продолжал Кертис. – Как ни ужасно это звучит, но я думаю, что час нашей смерти уже где-то отмечен, и мы не в силах ничего изменить.

Итан слушал таксиста со смешанным чувством жалости и скепсиса. Безусловно, Кертис создал систему верований, которая позволила ему выстроить защиту. Вся эта галиматья насчет предначертанного хода событий давала ему силы жить дальше, отстранившись от чувства вины и горя, связанных со смертью сына.

– Есть вещи, которые мы не можем предотвратить, – продолжал Кертис. – То, что должно произойти, произойдет, несмотря на все наши усилия не дать этому случиться.

– По вашей логике получается, что никто ни за что не несет ответственности: ни за агрессию, ни за изнасилование, ни за убийства...

Кертис раздумывал над его словами, проезжая отель «Плаза» и направляясь к Центральному парку.

– Можете вы объяснить мне одну вещь? – наконец спросил он.

– Все, что хотите.

– Почему вы не сказали, куда ехать, когда сели ко мне?

– Я и сам не знал, – признался Итан. – Мне, наверное, было все равно, куда ехать.

Они миновали музей «Фрик Коллекшн»¹³, машина въехала в Центральный парк, а потом стала медленно подниматься по Ист-драйв.

– Я же мог вас ограбить, – заключил Кертис, ухмыльнувшись, – тем более вы еще спорите...

Итан покачал головой.

– Нет, у вас ясная голова, – шутливым тоном ответил он, – и вы внушаете доверие.

В этот момент оба почувствовали странное единение, словно были сообщниками.

Итан посмотрел в окно: была середина осени, и Центральный парк переливался огненными красками. Вдоль Парк-драйв-Норт дети расставили в ряд тыквы разных размеров, скоро Хэллоуин... За деревьями угадывались обрывистые берега озера...

Итан вдруг скривился: Центральный парк, озеро... Это случайность или нет?

Ответ на этот вопрос он получил несколько секунд спустя, когда такси остановилось на пересечении Ист 72-й улицы и Парк-драйв-Норт. Прямо напротив «Боатхауса», ресторана, где Селин устраивала прием по случаю свадьбы!

Перепуганный Итан наклонился к Кертису.

– А на самом-то деле вы кто?

– Обыкновенный водитель такси, который пытается вам помочь.

– Почему вы привезли меня именно сюда? – с угрозой в голосе спросил терапевт. – Как вы узнали, что...

Кертис вышел из такси первым и открыл пассажиру дверь. Взбешенный тем, что оказался жертвой манипуляции, Итан выскочил из машины и встал рядом с громадным чернокожим, который оказался на голову выше. Теперь он уже не выглядел таким симпатичным.

Не меняя благодушного выражения лица, Кертис снова занял место водителя и завел мотор.

– Почему вы привезли меня именно сюда? – повторил Итан, постучав в окно машины.

Кертис опустил стекло и, прежде чем уехать, ответил, словно это было нечто само собой разумеющееся:

– Потому что это ваша судьба.

¹³ Коллекция Фрика (Frick Collection) – одна из лучших частных коллекций старой западноевропейской живописи в мире, собранная американским промышленником Генри Фриком и выставленная на всеобщее обозрение в его особняке на 5-й авеню в Нью-Йорке.

7

Селин

*Влюбившись, мы видим в возлюбленных то, чего в них никто
никогда не видел.*

Эрри де Лука

Центральный парк, «Боатхаус»

Суббота, 31 октября

13 ч 32 мин

Итан показал на входе приглашение, и его провели в «гостиную с видом на озеро», огромную центральную залу с паркетом, натертым до такого блеска, что он напоминал каток. Группки гостей беседовали у столов, накрытых шелковыми скатертями и украшенных орхидеями цвета слоновой кости. Специально для этого вечера знаменитый ресторан был оформлен в сине-бело-красной гамме. Везде слышалась французская речь, большинство приглашенных только что прибыли на церемонию из аэропорта Руасси имени Шарля де Голля.

Итан оглядел зал, никого не узнавая. Их роман с Селин продолжался больше года, но он так и не познакомился ни с ее семьей, ни с друзьями. Тогда им хватало друг друга, и время, проведенное с кем-то еще, считалось потерянным.

Он прошел на террасу, где был расположен бар, и заказал «Мартини кей лайм»¹⁴. От ванильной водки по телу сразу же растеклось уютное тепло, и он почувствовал некоторое облегчение впервые с тех пор, как проснулся. Но это чувство длилось недолго. Пытаясь его удержать, он заказал еще одну порцию, потом вторую, третью, пятую, а потом просто попросил бутылку... Он чувствовал себя не в своей тарелке и вдруг понял, что ему даже не на чем вернуться домой. Он вытащил из кармана телефон, набрал номер такси класса люкс, которым пользовался и раньше. Дал адрес ресторана, и ему пообещали машину не позже чем через три четверти часа.

Он отошел от бара, чтобы больше не поддаваться искушению. Терраса была огромна, она нависала над озером, и с нее открывался потрясающий вид на залитую солнцем водную гладь. Именно на фоне этой прелестной картины Селин и ее будущий муж приветствовали гостей перед началом церемонии. Итан издали наблюдал эту сцену: в воздушном подвенечном платье из белых кружев Селин была похожа на ангела. Длинные волосы, собранные в узел, открывали красивый затылок. Прическа делала ее похожей на балерину. За пять лет она почти не изменилась, но Итан заметил в ней какую-то серьезность, которой не было раньше. Она была почти неуловима: улыбка стала чуть сдержанней, взгляд не такой открытый, а от непосредственной манеры держаться осталась только внешняя приветливость.

Несмотря на то что курить было запрещено, он зажег сигарету и, словно под гипнозом, продолжал молча ее рассматривать. Его охватило незнакомое чувство, одновременно горькое и приносящее облегчение. Ему стало жарко, а потом забил озноб, и у него появилось ощущение, что его тело превратилось в какую-то дрожащую оболочку. Сердце его обливало кровью, по венам разливался сладкий жгучий яд, от которого бросало в жар.

В какой-то момент Селин повернула голову в его сторону, их взгляды встретились, они словно поддерживали друг друга. Итан тщетно пытался понять, какое чувство светилось в глазах бывшей возлюбленной: сожаление? остатки чувства? ненависть? желание отомстить?

¹⁴ Кей лайм (key lime) отличается от обычного лайма размером (он меньше), ароматом (он более ярко выражен) и вкусом (он кислее). Для этого коктейля используют водку со вкусом взбитых сливок или ванили (за счет добавки такая водка слаще на вкус). Обычную водку использовать нельзя, потому что коктейль получается слишком кислым.

Несмотря на то, что его не покидало ощущение, что он находится на вражеской территории, Итан подошел к небольшой группе гостей, облокотился о перила и притворился поглощенным созерцанием проплывающих по зеркальной глади лодок и венецианских гондол.

– Значит, все-таки пришел, – негромко сказала Селин, подойдя к нему через несколько минут.

– Но ты же сама прислала мне приглашение, если не ошибаюсь! – а потом прибавил: – Очень рад снова тебя видеть. Сколько времени прошло!

Селин покачала головой.

– Нет, это было вчера. Для меня все это было вчера.

Она увлекла его в сторону – ближе к полыхавшим осенними красками кустам, затенявшим уголок террасы. Некоторое время они молчали, наблюдая за любителями гребли, которые скользили по озеру на байдарках под звуки любительского оркестра, игравшего джаз на противоположном берегу у фонтана «Бетеза».

Она нарушила молчание первой:

– Приятно снова побывать в Нью-Йорке. Всегда мечтала о свадьбе на Манхэттене. Ты помнишь последний раз, когда мы здесь были?

Я помню каждую секунду, проведенную с тобой.

– Не очень.

– Озеро замерзло и было все в снегу. Да, ты прав – это было очень давно.

– Ты живешь во Франции?

– Да, в Энгийен-ле-Бен, курортном городке с минеральными водами неподалеку от Парижа, Себастьян открыл там ресторан. Скоро получит мишленовскую звезду.

Итан прищурился и обернулся, чтобы посмотреть на мужчину в черном рединготе и белой жилетке, который болтал с приятелями, искоса поглядывая на невесту. Ослепительная улыбка, обаятельная физиономия, телосложение а-ля «Бог стадиона»¹⁵. Тип современного мужчины, успешного во всех областях, – глава преуспевающего предприятия, спортсмен, заботливый отец, в постели хорош...

– Ты все еще работаешь в «Эр Франс»?

– Нет. Надоело. Пять лет назад я уволилась и получила диплом школьного учителя. Преподаю в Бельвиле в классе для детей-инвалидов. Эта работа дает мне очень много.

Селин замолчала. Поднялся ветер. Она поежилась и плотнее закуталась в накидку с жемчужно-серыми блестками, прикрывавшую декольте. Ее платье от Карвен на бретельках из тонких кружев позволяло разглядеть татуировку в виде арабески у нее на плече. Этот символ был важен для них обоих когда-то, но теперь выглядел смешно.

– Я прекрасно знаю, о чем ты думаешь, Итан: толстенькие чиновники, домик в пригороде, славенький муж... Ты говоришь себе, что я стала такой, какой никогда не хотела становиться.

Удивленный ее словами, он попытался ответить по-дружески:

– Нет, ты ошибаешься. Ты выбрала то, что тебе подходит, и я за тебя счастлив.

– Не говори ерунды: я выбрала то, что ты сам всю жизнь презирал, – семью, стабильный брак, жизнь середнячка!

Она заговорила громче, и часть гостей стала оглядываться на них, удивляясь, видимо, кто этот никому не известный тип, так разволновавший новобрачную за пятнадцать минут до венчания.

– Я главным образом думаю о том, что мне здесь совсем не место, – заметил Итан. – По правде говоря, я не очень понимаю, зачем ты меня пригласила.

¹⁵ Бог стадиона (Dieux du stade) – название двух книг, нескольких календарей и DVD, впервые увидевших свет в 2001 году. Это сборник полуобнаженных эротических фотографий членов французской сборной по регби. В течение следующих нескольких лет моделями становились представители других видов спорта.

– Хотела получить от тебя подарок.

– Подарок?

– Да, в качестве подарка ты наконец скажешь мне правду.

– Какую правду?

– Назовешь причину, почему ты меня бросил.

Он слегка попятился, почувствовав опасность.

– Мы уже все сказали друг другу тогда.

– Нет, не все: ты просто поставил меня перед фактом, разговор длился три минуты, потом я ушла, и больше мы не виделись.

Итан попытался уйти от разговора.

– В жизни необязательно находить ответы на все вопросы.

– Прекрати говорить языком своих книжек! Думаешь, ты где сейчас находишься? В романе Паоло Коэльо? Прибереги свои красивые фразы для телепе редач!

Итан покачал головой.

– Послушай, это было давно, – медленно проговорил он. – Мы бы не были счастливы вместе. Ты хотела семью, детей, надежность... Я бы не смог тебе этого дать.

Селин отвернулась. Ее лучшая подруга Зоэ сделала ей знак поторопиться, показав на часы. Приехал священник, и гости стали занимать свои места на стульях, расставленных в саду.

– Я пойду, – сказал Итан, взяв ее руку в свою. – Желаю тебе счастья.

Несмотря на это, он остался стоять на месте, вглядываясь в даль. Вдали на фоне ярких красок осени, взрывающихся желтыми, пурпурными и оранжевыми всполохами, вырисовывались острые линии небоскребов.

И чем дольше Итан стоял так, тем острее чувствовал удивление в глазах гостей, недоумевающих по поводу его присутствия и поведения. Он с сожалением отпустил руку Селин и закурил новую сигарету.

– Ты так и не избавился от этой дурной привычки, – заметила она. – А я думала, что в Нью-Йорке уже никто не курит!

– Я буду последним, кто бросит, – сказал он, выпустив струю дыма.

– Что, считаешь себя молодцом...

– Стив МакКуин курил, Джеймс Дин курил, Джордж Харрисон курил, Кшиштоф Кислёвски, Альбер Камю, Нат Кинг Коул, Серж Гинсбург...

– Все они умерли, Итан, – мягко возразила она, вытаскивая сигарету у него изо рта и заливая огонек водой из стакана.

Поступок из прошлого, из забытых времен, когда она заботилась о нем. Тогда мысли о будущем имели смысл.

Но Селин не позволила этим чувствам взять верх.

– Сегодня утром я видела тебя по телевизору. Сейчас сложно тебя где-нибудь не увидеть. Ты же везде – на экране, в журналах...

Он пристально посмотрел ей в глаза. Поколебавшись, она решила выложить последнюю карту:

– Мне кажется, у тебя не все хорошо, Итан. Мне кажется, ты несчастен, несмотря на успех.

Он нахмурился.

– Что заставляет тебя так думать?

– Ты помнишь, почему мы влюбились друг в друга? Помнишь, почему это чувство было таким сильным? Потому что я была способна видеть в тебе то, что другим недоступно. И то же самое было с тобой.

Он попытался уйти от разговора.

– Все это чепуха, штуки, которые придумывают, чтобы почувствовать себя как в мелодраме.

– Ты прекрасно знаешь, что это правда.

– Послушай, не хочу тебя разочаровывать, но, вообще-то, у меня в жизни все отлично: я богат, из вестен, у меня завидная работа, яхта, дом в Хэмптоне...

– И что это доказывает?

Он наклонился к ней, растерянный, выбитый из колеи ее нападками, стремясь как-то защититься.

– Ну, раз уж ты так уверена, скажи, что в моей жизни не так.

– Все не так, Итан: твоя жизнь пуста и одинока. Ты один, у тебя нет ни друзей, ни семьи, нет никаких желаний. И что самое печальное, ты сам это прекрасно понимаешь, но ничем не можешь себе помочь.

Он поднял вверх палец и уже открыл было рот, чтобы возразить, но передумал, так же как передумал рассказывать ей о том, что несколько часов назад Джесси покончила с собой практически у него на глазах.

– Ты опоздаешь, – только и сказал он.

– Подумай о себе, Итан, – ответила она и отошла.

Прошла несколько метров и вдруг обернулась.

– Я слышала, что ты сказал сегодня в интервью – эту фразу о *точке невозврата*...

Он вопросительно посмотрел на нее. Некоторое время она молчала, а потом, после некоторого колебания, все же сказала, словно бросая вызов:

– Так вот, понимаешь ли, в нашей истории *точка невозврата* будет через десять минут.

8

Точка невозврата

Удача – это словно «Тур де Франс»: сначала ты очень долго ждешь, а потом все очень быстро заканчивается.

Диалог из фильма Жан-Пьера Жене «Удивительная судьба Амели Пулен»

Центральный парк, «Боатхаус»

Суббота, 31 октября

14 ч 05 мин

В саду, окружавшем ресторан, вдоль прохода к небольшому подиуму были расставлены стулья из крашеного дерева. Под звуки песни «Солнце восходит»¹⁶ отец Селин вышел на аллею, чтобы повести свою дочь к алтарю, где уже стоял благодушный священник, который дал знак начинать церемонию.

– Дорогие братья и сестры!

Мы здесь собрались сегодня, чтобы с радостью и молитвой отпраздновать священный союз мужчины и женщины, которые поклялись любить друг друга, и...

Итану не удалось уйти из «Боатхауса». Он сидел на одном из барных стульев и искоса наблюдал за церемонией, ломая голову, что имела в виду Селин, произнося эти загадочные слова? И почему она выбрала «Солнце восходит», песню Джорджа Харрисона, для прохода к алтарю? Песню, которую он поставил ей когда-то, сказав, что для него солнце – это она. Единственный человек, который освещает его жизнь.

А что еще говорят, кроме ерунды, когда влюблены? – вздохнул он, заказывая еще одну водку в надежде, что алкоголь немного притупит его страдания.

– ... Дорогая Селин, дорогой Себастьян, сейчас вы сделаете самый важный в жизни выбор. Выбор, который приведет вас к Божьей благодати. Именно Ты, Господи, держишь в своих руках наши судьбы, Ты единственный Владыка прошлого, настоящего и будущего, и Ты подарил Селин и Себастьяну любовь, которая связала их воедино...

Она предупредила: «в нашей истории точка невозврата будет через десять минут». Через десять минут я выйду замуж, через десять минут дверь закроется навсегда.

Последний призыв, последний шанс.

– ...В этот день, исполненный надежд, ваши отношения станут другими, вы должны будете давать друг другу силы и помогать друг другу. В этот исполненный надежд день, Селин и Себастьян, вы объявляете всем о своей любви, привязанности и уважении. Мы все, собравшиеся здесь, станем свидетелями вашего бракосочетания, поддерживая вас и желая счастья...

Итан слез с табурета и подошел к дверям в сад. Он чувствовал себя чудовищно одиноким, всеми покинутым. Голова кружилась. Опять началась эта назойливая мигрень, которая преследовала его с утра и еще усилилась после самоубийства Джесси, нескольких часов допроса в полицейском участке и двух коктейлей «Мартини» с водкой. Его мучил страх, бил озноб. Он плотно застегнул куртку и постарался идти не шатаясь.

Стоявший перед женихом и невестой священник вновь начал говорить, на этот раз более торжественным тоном:

¹⁶ «Here Comes the Sun» – песня Джорджа Харрисона с альбома 1969 года «Abbey Road». Одна из самых известных песен Харрисона, записанная в составе «Битлз».

– ...Брак призван освятить союз мужчины и женщины. Его цель – это рождение и воспитание детей, взаимопомощь и поддержка в богатстве и бедности, в болезни и здравии...

Селин была права, сказав, что его жизнь пуста. Для кого он жил, запережившись в своем одиночестве и саморазрушительном индивидуализме? Сострадание, любовь, нежность – эти чувства давно были ему незнакомы. Он внезапно понял, что у него не было ни одного друга с тех пор, как пятнадцать лет назад он вероломно бросил Джимми на улицах Нью-Йорка. Он совершенно одинок, это правда. Чтобы убежать от серых будней, которые приготовила для него жизнь, он бросил все и остался в полном одиночестве. Он всегда верил, что быть одному – значит быть сильным, а любить – значит растерять всю энергию. Теперь он понял, что все не так просто, но было уже поздно.

– ...Брак – это серьезное решение, которое исключает легкомысленное отношение к жизни, капризы или безответственность. Это окончательный выбор, потому что люди не вправе разорвать узы, освященные Богом...

Вот она, точка невозврата – сейчас. Даже не через десять минут, а едва ли не через десять секунд. А что произойдет, если он прямо сейчас все это прекратит, выйдет вперед и во всеуслышание признается Селин в любви? В кино именно так и происходит. В кино все бы решилось за три минуты, в кино Итан был бы положительным, уверенным, легким человеком. Но все это происходит не в кино, и он кто угодно, но только не герой. Он остановился, растерянный и охваченный сомнениями.

– ...Поэтому, если есть здесь кто-нибудь, кто знает серьезное препятствие, мешающее этому союзу, пусть говорит сейчас или никогда...

Пусть говорит сейчас или никогда... Фраза эхом отдалась в застывшем саду. Стоящая перед алтарем Селин слегка обернулась, словно искала его глазами. Мгновение, казалось, застыло в вечности, и вдруг Итан в одну секунду понял, что он сейчас прервет церемонию. Потому что их роман не окончен.

Потому что их любовь очевидна.

Потому что это он, потому что это она.

Но это – только слова. А что он в действительности может предложить Селин? Он снова вспомнил ее вопрос: «Почему ты меня бросил?» Он ответил уклончиво, но правда-то заключалась в том, что он и сам не знал. Долгое время после их разрыва он продолжал думать, что опасен для Селин. Останься он с ней, то, вне всяких сомнений, его любовь в конце концов превратилась бы в отраву, в бомбу, в острый нож. Вначале эта уверенность немного утешала. Именно тогда он с головой ушел в работу. Потом произошло знакомство с Лореттой Краун, и он стал знаменит. По мере того как он поднимался по социальной лестнице, а горестное чувство притуплялось, ему все легче удавалось убедить себя, что его страхи – всего лишь плод воображения. Легкий способ закрывать глаза на то, что он поступил как мерзавец. А правда была в том, что он бросил Селин так же, как до этого бросил Марису и Джимми. Просто потому, что не хотел ни от кого зависеть, хотел быть свободным от всех привязанностей и от ответственности. «Делать все, что хочу, когда хочу и как хочу». Правда и то, что какое-то время он наслаждался своей свободой. Но вместе с успехом и деньгами в его жизнь проникли цинизм и его двусмысленные удовольствия – алкоголь, женщины, наркотики, азартные игры. Это продолжалось до тех пор, пока он уже не смог выносить того человека, в которого превратился.

И теперь, когда его жизнь разваливалась на куски, он наконец-то решился быть честным с самим собой, Итан понял, что уже ни в чем не уверен. За секунду до того, как Селин произнесла решающее «да», его снова охватило острое ощущение, что он для нее опасен. Он снова пережил то глубоко иррациональное чувство, которое отгонял все это время, отчетливое предчувствие угрозы. И он понял, что если и готов взять ответственность за что-либо в жизни, то вот она: защитить женщину, которую он любит, даже если это и значило отказаться от нее.

Итан взглянул на Селин в последний раз, словно хотел навсегда врезать в память ее черты, а потом отвел глаза.

История их любви закончилась.

Точка невозврата пройдена.

* * *

После небольшой паузы церемония возобновила свое плавное течение: последовали обещания и обмен кольцами. Гости, вооруженные камерами и фотоаппаратами, спешили обесмертить самые трогательные моменты: все это будет так славно смотреться в фильме из семейной хроники, его потом покажут детям и будут пересматривать, смахивая слезу, каждую годовщину.

– Селин, ты берешь в мужья Себастьяна. Обещаешь ли ты быть бла-бла-бла бла-бла-бла бла-бла бла-бла бла-бла?

– Да.

– Бла бла-бла бла-бла-бла бла-бла-бла бла-бла бла-бла бла-бла нести все эти годы в знак вашей любви и вашего желания оставаться верными друг другу.

Пока дети, участвующие в церемонии, радостно обходили гостей с корзинками для пожертвований, Итан заказал еще одну порцию спиртного и просмотрел сообщения и электронную почту, которые скопились в его «Блэкберри»: встревоженные послания от Лиззи и от агента, просьбы об интервью, явный знак того, что медиа уже начали травлю, и отказ клиентов от участия в семинарах. Это его не удивило. Кадры с самоубийством Джесси, должно быть, уже показали по всем каналам. Так всегда и бывает в эпоху расцвета массовых коммуникаций: один кадр может разрушить репутацию в мгновение ока. Несколько часов назад он был «психоаналитиком, который соблазняет Америку», а теперь превратился в убийцу четырнадцатилетней девочки.

Sic transit gloria mundi. Та к проходит мирская слава.

В последнем сообщении говорилось, что заказанная машина уже ждет перед «Боатхаусом».

Он залпом осушил бокал и вышел из ресторана как раз в тот момент, когда Селин, под руку с мужем, шла между рядами гостей под дождем из розовых лепестков.

9

Чайна-таун

不知彼，不知己，每战必殆

Если ты не знаешь ни своего противника, ни себя самого, то в любом бою тебя ждет поражение.

Доктор Шино Мицуки рассекал толпу, спешащую по Чэннел-стрит. Была самая середина дня, и жизнь в Чайна-тауне бурлила.

Манхэттен – Китайский квартал

Суббота, 31 октября

14 ч 32 мин

Район напоминал жужжащий красочный пчелиный улей. В воздухе носились острые запахи, они одурманивали и вызывали тошноту – специи, кухонные отходы, камфора и сандал. Повсюду стояли пестрые лотки – дешевые украшения, шелковые ткани, лампы, ласточкины гнезда, сморщенные грибы и сушеные крабы, пиратские DVD, поддельные сумки «Луи Вуиттон» по десять долларов и прочие подделки всех видов... Здесь звучали кантонский и пекинский диалекты, бирманская, филиппинская и вьетнамская речь. Можно было подумать, что находишься одновременно в Гонгконге, Шанхае и Гуанчжоу...

Китайский квартал первоначально возник в районе Мотт-стрит, занимая около десятка зданий, и вокруг «Конфуциус-плаза», в двух шагах от Маленькой Италии. Это был густонаселенный район, вдоль узких улочек теснились маленькие разукрашенные домики с коваными лестницами. В середине девятнадцатого века, когда первые китайские моряки, к которым вскоре присоединились их соотечественники, приехавшие из Калифорнии на строительство железной дороги, начали заселять эту подозрительную часть Нижнего Ист-сайда, никто и представить себе не мог, что она станет самым масштабным китайским поселением в Западном полушарии. В последние годы в связи с экономической экспансией Срединной империи Чайна-таун даже поглотил Маленькую Италию, старинный итальянский квартал, который сжался до небольшого райончика на Малберри-стрит с ресторанами для туристов. Шино Мицуки спокойно спустился к Коламбус-парк и решил завернуть в ресторанчик на Мотт-стрит, где был завсегдатаем. Он сел за столик в глубине зала перед позолоченной статуей Будды. Официантка принесла зеленый чай, а потом подкатила тележку, на которой были расставлены разные виды *димсам*¹⁷ в бамбуковых коробочках. Шино Мицуки взял себе дымящиеся равиоли, маринованные куриные ножки и два рисовых шарика, обсыпанных кунжутом. И стал наслаждаться обедом под благостным, нездешним взглядом Шакьямуни¹⁸.

Шино Мицуки заступал на дежурство только через час, но он всегда приезжал в больницу раньше. Это давало ему возможность прийти в себя и сосредоточиться, а это необходимо для работы хирурга. Сегодня он работал в отделении скорой помощи, и, как и каждый год, вечер

¹⁷ Димсам или дьяньсинь – легкие блюда, которые в китайской традиции чаепития подают вместе с чашкой китайского чая, как правило, до обеда. Они представляют собой разложенные по нескольким блюдам небольшие порции фруктов, овощей или морепродуктов.

¹⁸ Одно из имен Будды. – Прим. авт.

Хэллоуина был богат на несчастные случаи, в больницу все время привозили раненых пьяных, попавших в переплет.

Шино заканчивал обед, не поднимая глаз. Время от времени он отваживался поднять голову и украдкой посмотреть, как, игриво улыбаясь, двигается по залу красивая официантка. И ей его внимание нравилось. Если бы он пригласил ее пойти вечером на выставку Мома, в кино или на караоке, он был почти уверен, что она согласится. Но Шино Мицуки давно отказался от личной жизни. Он выбрал спокойствие, жизнь в мире с самим собой, лишенную страданий и страсти. Поскольку мы почти никогда не пожинаем того, что посеяли, он решил посвятить свою жизнь очищению кармы. Конечно же, все его благонамеренные поступки заканчивались ничем, но какая разница: он жил в ожидании следующей жизни и многих других после нее. Цикл перерождений длится века – до тех пор, пока не сольешься с Вечностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.